ПАТРИАРХ НИКОН:
ДУХОВНЫЙ СВЕТ СКВОЗЬ ВЕКА
(духовная власть как духовная опора на все времена)

Сказание о житии Патриарха Никона*

(л. 7 [а]) С небесе Небесных дел исправителем небесное лепотствоваше и хваление, Ангельское пение, ангелоподобными на земли возблиставшим сиятелствы, яко да ими же в жизни зде суще утесняхуся, по отшествии тем возвеличатся. Но да и последородным не будет в лишение подражания, ими же мощно бренными усты дом имамы, поне мало воспомянути таковых добродетели, яко да видяще дела добрая, прославят Отца иже есть на небесех, ибо по не едину якову либо мимотечных добродетелей искренность усмотривше язычницы, великия памяти знаки над гробом таковых поставляти обычай имяху состроены, над Ирон, ов убо того лицу (л. 7об.) подобие, ин пирамиды мудросотворенныя, ин же ина паки досточудная. Много паче должно нам оставити в подпоминании, аще не лица подобием, поне писма начертанием, в нем же бы зримо было последородными досточудное жителство, истиннаго Ироа церковнаго, крепкаго Христова храборника, преподобнаго в Православии воина, твердаго Адаманта в терпении, Святейшаго глаголю Патриарха Никона, Всероссийския Православно-Кафолическия Церкве пречуднаго Архипастыря, и его же наземнаго по Господе жителства, аще и малейшую часть припомянем, истинно небесных дел множество приобрящем, оставльше (л. 8) убо вся яже (до возшествия на престол Новгородский) бывшая от него. Начнем краткословяще от возведения, даже до преставления его припоминати исправления, яже быша сице.

Лета 7160 (1652)-го, в царство благочестивыя державы, Великаго Государя Царя, и Великаго Князя Алексия Михайловича, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержца, егда возведен бысть на высочайший Московский Патриаршеский престол, Святейший Никон Патриарх, иже преждебывый Новгородския епархии митрополит, месяца иулия в 25 день, на память святыя богоматере Анны, его же правяше без дву недель, во всяце безмятежстве.

---

* Историческая публикация по списку: ГИМ. Хлуд. Д-86-4°: Сборник, содержащий житие Патриарха Никона. К публикации подготовил В.В. Шмидт.

Перед текстом жития помещен следующий текст *синаксаря*, который задает назидательную тональность для восприятия и понимания далее читаемого текста: *«Месяца генваря в 6 день синаксарь на Крещение Господне, минея четии. Господь наш Иисус Христос по Своему от Египта возвращения бяше в Галилеи, во граде своем Назарете, идеже бе воспитан, таящи пред человеки Божества Своего силу и премудрость до тридесяти лет сан учителя содержати или священническия: того ради и Христос до толиких лет своея проповеди не начинаше, ниже являше Себе быти Сына Божия и Архиереа великаго небеса прошедшаго, дондеже летом Его число то исполнися: живяше же в Назарете с Пречистою материею Своею, первее при мнимом отце своем Иосифе древоделе донеле же той жив бе, с ним же труждашеся в древоделстве, тому уже умершу, Сам рукоделие то делаше: пищу от труда рук Себе и Пречистей Богоматери стяжавающи, да нас научит не ленитися: но не туне ясти хлеб»*.

Потом же враг супостат (л. 8об.) всéя враждебныя плевы между Царем и оным. Он же дея место гневу отыде в строенный от него Воскресенский монастырь, Новым Иерусалимом называемый. В нем же поживе 8 лет, 4 месяца и 3 седмицы.

И 175-го, месяца ноября в 30 день, взят бысть из него в царствующий град, на собранный его ради собор: идеже благочестивый Царь, и Вселенстии Патриарси присутстующе, и правилным негли винам подпадша осудиша его сослати в заточение, того же лета, декабря в 13 день, на Бело езеро, в Ферапонтов монастырь. В нем же терпеливый сей быв терпяше всякую скорбь и тесноту 9 лет, и 6 месяц, со всяким благодарением.

И 184-го лета, по преставлении благочестивейшаго Государя Царя (л. 9) и Великаго Князя, Алексия Михайловича всея России, в царство сына его благочестиваго Государя Царя, и Великаго Князя Феодора Алексиевича, всея великия, и малыя, и белыя России Самодержца, преведен бысть из Ферапонтова монастыря, в Кириллову великую обитель. Идеже паки подъя с радостию несносныя скорби и нужды 5 лет, и 2 месяца.

Божиим же благоволением прошлаго 189-го лета, изволися царскому сердцу, да возвратит сего неложнаго пастыря, из толико долговременнаго заточения, послав убо повеле, да вземше честно привезут в царствующий град Московский. Ему же идущу оттуду, на пути разболеся, и приставша судном на Волге, против Толгскаго монастыря, (л. 9об.) и причастися Животворящаго Тела и Крове Христовы, и доплыша града Ярославля, и на реке Которосли, близ Спаскаго монастыря, в судне, успе о Господе, месяца августа в 17 день, в среду, в десятом часе дни, в последней четверти. Его же тело скуташа, и положиша в древяном гробе, и привезше в монастырь Воскресенский же успша, слез и плача Царь, и вси людие премноги исполнишася. И того же месяца в 26 день, взем честное тело сам благочестивый Царь Феодор Алексиевич своима рукама, положи в пречестную раку его, изсечену в камени, со псалмы и пении честне, в церкви Иоанна Предтечи, яже под Голгофою.

Поживе же всего 73 лета, 2 месяца, и 20 дней. (л. 10) Сицевое убо его дивное житие, аще бы пространству писма преподати, истинно без слез не было бы мощно читати, но молим вас, малое о нем читайте, великим его добродетелем подражайте, и долг имуще, поминайте, и молите Господа, иже да сподобит вас и с ним купно ликовати во вечном граде. Аминь.

* * *

Господь судил Святейшему Патриарху Никону жизнь многосложную, многоскорбную и многоплодную. Святейший понес труды и испытал радости высшего служения и тягчайшие скорби, как телесные, когда он после перенесенного в дороге увечья был без всякого попечения в Ферапонтовом монастыре, так и еще более тяжелые душевные – разного рода клевету, вплоть до обвинения в телесной нечистоте, предательство, в том числе Царем их теснейших духовных отношений, отношений отца и сына. Для шестнадцатилетнего Алексея Михайловича, одновременно пережившего потерю родите-

лей и принявшего бремя ответственности за государство и общество, Никон, строгий монах и аскет, богатырь духа и чадолюбивый отец для пасомых, к тому же переживший утрату своих малых детей и на собственном горьком опыте знающий, что такое сиротская доля, являлся крепкой духовной опорой и любящим отцом.

Святейший Патриарх испытал многие ипостаси человеческого служения: отец семейства и священник, строгий монах-отшельник, настоятель монастыря – и отдаленного сурового, и столичного царского, архиерей, наконец, Патриарх всея Руси. Строитель и зодчий, книжник и государственный деятель, просветитель и строгий, но заботливый пастырь, отец монахам, страдалец в заточении, хранитель святых канонов и ревнитель отеческих преданий, столп благочестия непоколебимый – все это Святейший Патриарх Никон. Бог даровал нашему Отечеству такого исполина духа, такого любящего пастыря, такого исповедника веры Христовой и такого живого человека со всеми своими особенностями, что каждый может найти в жизни и деятельности Святейшего то, что для него близко и назидательно в современный момент жизни.

Главное в Патриархе Никоне – это живая вера, преизобилующая любовь, которой он жил, преображая вокруг себя все и призывая всех к преображению своей жизни и устроению ее во Христе. Известно множество примеров влияния личности Святейшего Никона на разных людей, его благодатной помощи притекающим к нему с верой как при жизни, так и по его отшествии в мир иной, его духовного авторитета как для лиц, облеченных властью, так и для простых людей, во все времена, в том числе и в наши дни.

Когда Собор неправо низложил Святейшего Патриарха и осудил его на заточение в Ферапонтов монастырь, множество людей провожали своего духовного отца и пастыря с воплями и слезами[1]. Добровольно поехали с ним в ссылку Воскресенского монастыря иеромонахи Памва и Палладий, иеродиаконы Иоасаф и Маркелл, старец Флавиан и два бельца – Клинского уезда монастырского села Завидова дьячок Тараско Матвеев и Костромского уезда домового патриаршего села Вятского Ипатко Михаилов[2].

---

[1] См.: Житие Никона, Патриарха Московского и всея Руси. Саранск, 2005. Л. 219–223 (ркп) позволяет ощутить трагическую мощь происходившего, оценить, насколько власти опасались народной любви к низложенному Патриарху.

[2] См. *Николаевский П., прот.* Жизнь Патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 г. СПб., 1886. С. 8; *Бриллиантов И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. СПб., 1899. С. 136 со ссылкой на № 77 из «Дела о Патриархе Никоне» цитирует несколько иначе: «Да с ним Никоном с Москвы поехали два попа черных Памво да Паладей, да два дьякона

В заточении Господь даровал Святителю-страдальцу «благодать чаши лекарственной» – он стал врачевать страждущих от душевных и телесных болезней. Книги, которые велись в этот период его старцами, зафиксировали более сотни исцелений от разных болезней. Лечил Патриарх молитвой, освященным маслом, святой водой и разными лекарственными средствами природного происхождения[3]; помогали ему келейник иеродиакон Мардарий и другие старцы. Один из таких помощников, постриженник Патриарха старец Савин, собиравший для него травы и коренья, после взятия Святейшего «под караул» в Кириллов монастырь ушел из Ферапонтова монастыря и сам стал заниматься лечением, переходя от одного монастыря к другому[4].

После пятнадцати лет страданий в заточении – сначала в Ферапонтове, а затем в еще более суровых условиях в Кирилловом монастыре, Святейший Никон, освобожденный Царем Феодором Алексеевичем, скончался 17 августа 1681 г. по дороге в Воскресенский монастырь Нового Иерусалима около Спасского Ярославского монастыря. Через десять дней, без признаков тления, был погребен патриаршим чином в Воскресенском соборе под Голгофой в присутствии Государя, царского синклита и множества народа. И с того времени сюда к его гробу стали приходить на поклонение и Цари, и простые люди. Происходившие здесь чудесные исцеления записывались в особую книгу[5].

В мае 1682 г. Восточными Патриархами были подписаны разрешительные грамоты, которые отменяли определение Собора 1666 г. о Патриархе Никоне: сняли с Патриарха прещения, наложенные Собором, определи восстановить его имя в священных диптихах Православной Церкви и возобновить постоянное поминование в ряду Московских Патриархов во всех установленных церковных последо-

---

черных, Исайя да Маркел да простой старец Флавиан, да два человека белцов: Клинскаго уезду села Завидова дьячек Тараска Матвеев, да Ярославскаго уезду села Вяцкаго Ипатко Михайлов». Надо заметить, не все они смогли понести этот подвиг до конца: в марте 1667 г. Палладий, Иоасаф, Тараско и Ипатко подали приставу Степану Наумову две челобитные на имя Государя с просьбой отпустить их к прежнему месту жительства, и уже 10 апреля они были в Москве. Келейные патриаршие старцы иеромонах Варлаам и иеродиакон Мардарий в 1676 г., после перевода Патриарха в Кириллов монастырь, были сосланы в Крестный Кий-островский Онежский монастырь.

[3] Известен «Лечебник» Патриарха Никона (см.: *Патриарх Никон*. Труды / Научн. исследование, подготовка документов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004. С. 885).

[4] В 1694 г. старец Савин был привлечен к допросу в Преображенский приказ по обвинению в чародействе. Оправдываясь от обвинений, он показал, что лечил «без наговоров и шептаний», а с помощью лекарств и трав, указанных в лечебнике, который списал у Патриарха (см.: *Бриллиантов И.* Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения Патриарха Никона. СПб., 1899. С. 180–181).

[5] *Николаевский П.* Жизнь Патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 г. СПб., 1886. С. 141.

ваниях. 30 января 1683 г. Русские Цари Петр и Иоанн благодарили грамотами Восточных Патриархов за разрешение Патриарха Никона и разорение наложенного на него соборного прещения «аки не бывшаго». С этого времени начинается открытое восстановление чести и славы Патриарха Никона в России. Патриарх Иоаким, прежде враждебно относившийся к Святейшему Никону, стал служить о нем торжественные панихиды не только в Московском Успенском соборе, но и ежегодно ездить для того в Воскресенский монастырь[6].

Патриарх Никон всегда особо почитался в монастыре Нового Иерусалима: при гробе благоговейно хранились его вериги, которые Святейший Никон надел по своем отшествии из Москвы в 1658 г. и уже не снимал их до своей кончины. В возглавии гроба стояла чтимая Патриархом икона Божией Матери Одигитрии[7], перед которой усердием почитающих погребенного здесь Святителя теплилась неугасимая лампада. При гробе находилась еще одна икона, медная складная, которую Святитель носил на груди, – столь же тяжелая, как и вериги[8].

В монастыре была оставлена на память и благоговейно сохранялась схима Святейшего Патриарха, снятая с него перед погребением при переоблачении в полное патриаршее одеяние. Митрополит Филарет (Дроздов) взял схиму Патриарха Никона для приготовления

---

[6] Записи выходов Патриарха Иоакима отмечают, что он служил панихиду 13 февраля 1683 г. во вторник Сырной седмицы и в Крестовой палате давал поминальный стол, а 15 февраля перед Литургией служил панихиду у гроба Патриарха Никона. Литургию он служил в Голгофской церкви Воскресенского собора, а в приделе Иоанна Предтечи, где погребен Патриарх Никон, Литургию служил Богоявленский архимандрит со священниками. 24 августа этого же года Патриарх служил вечером в Успенском соборе панихиду по Патриарху Никону, а на другой день, 25 числа в субботу, заупокойные Литургии служили одновременно в соборе Крутицкий митрополит, в церкви Трех Святителей Коломенский архиепископ, в церкви 12 апостолов Новоспасский архимандрит. В следующем 1684 г. Патриарх Иоаким приехал 23 августа в Воскресенский монастырь и после Литургии служил панихиду по Патриарху «в тамошнем облачении», без митры в камилавке, в походе с ним были Холмогорский архиепископ Афанасий и Воздвиженский игумен Ефрем. В эти же дни панихиду по Патриарху Никону в Успенском соборе отправлял Белгородский митрополит. 22 августа 1685 г. Патриарх Иоаким служил панихиду на гробе Патриарха, а 23 августа, в воскресенье, Всенощное и Литургию в новоосвященном им в январе Воскресенском соборе (см.: *Николаевский П.* Жизнь Патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском Соборе 1666 г. С. 138–139).

[7] Эта икона повсюду ему сопутствовала, она же сопровождала его погребальное шествие от Ярославля до Воскресенской обители. Икона эта греческой работы, составная (мозаичная) из 13 кусков кипарисного дерева, лик первоначально был наведен воскомастикой, а при поновлении в 1861 г. – красками, вставлена в золоченую раму (см.: Краткое историческое сказание о начале и устроении Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря. СПб., 1876. С. 34–45).

[8] См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1846; 1990 (репринт). С. 110.

собственной схимы, как предпочтительный образец перед теми, «какие взошли в употребление у новейших схимников»[9].

В 1874 г. архимандрит Воскресенского монастыря Леонид (Кавелин, настоятельствовал в 1869–1876 гг.) собрал церковные и келейные памятные вещи Патриарха Никона и устроил в стенах монастыря церковный музей, положив тем самым начало будущим русским древлехранилищам.

В конце XVII в. при входе в собор, с левой стороны, находился портрет (тафтяной)[10] Патриарха Никона, за которым сторож держал ключи от собора. Это – первое изображение Святейшего Никона, от которого произошло исцеление и с которым связано чудесное видение[11]. Живописное изображение Патриарха находилось и на патри-

---

9 В настоятельство архимандрита Мелхиседека (Сокольникова, настоятельствовал с 26 марта 1851 г. до своей кончины 6 января 1852 г.) А.Н. Муравьев (1806–1874) испросил у него схиму Патриарха, которую потом бережно сохранял в своем собрании предметов древности и святынь, собранных при путешествиях по святым местам (см.: Описание предметов древности и святыни собранных путешественником по святым местам. Киев. 1872. С. 30). Здесь и увидел митрополит Филарет схиму Патриарха Никона и взял ее для образца своей схимы. В Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой лавры, основанном митрополитом Филаретом в 1844 г., в его каменном трапезном храме во имя прпп. Никона и Сергия и св. Филарета милостивого, хранилась схима Патриарха Никона рядом с хитоном Иисуса Христа и схимой преподобного Сергия Радонежского (см.: Православныя русския обители. Полное иллюстративное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1910. С. 344). Надо полагать, что это та часть схимы, которая была отделена архимандритом Мелхиседеком Муравьеву, поскольку в соответствии с описями в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре схима Патриарха Никона сохранялась как и прежде (см.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ед. хр. 208. № 10: Главная опись ризницы [1906 г.]; Там же. Ед. хр. 209. № 4.53: Опись Музея Новаго Иерусалима [1906 г.]). В описании Воскресенского монастыря Нового Иерусалима 1753 г. сообщается, что в монастырской ризнице среди предметов, заслуживающих благоговейного внимания богомольца, находится часть схимы Патриарха Никона. Здесь же хранились и другие вещи в память о Святейшем: харатейное Евангелие 1468 г. с золотой прописью, приобретенное Патриархом в 1658 г.; ветхое его облачение – клобук черный с жемчужным херувимом, бархатный лазуревый саккос, белый камчатный омофор (подпись на нем вышита по-гречески); посох деревянный, епитрахиль, полосатый шелковый подризник, двое четок – черные янтарные и белые корольковые; поручи, на которых золотом и шелком вышито Благовещение Пресвятой Богородицы; шляпа черная, власяница, сапоги и туфли с железными скобами; две печати – стальная и деревянная (см.: Путеводитель по железной дороге от Москвы до станции Крюковской, в г. Воскресенск и по Новому Иерусалиму. М., 1853. С. 131–132).

10 «По левую сторону (во дворе церковном от южных дверей) в обходе церковном персона Святейшего Патриарха Никона на полотне, изображена живописным письмом; риза и одежды накладное с клеем арлужным» (Описныя книги Воскресенскаго, Новый Иерусалим именуемаго, монастыря 1685 г. // *Леонид (Кавелин), архим*. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1874. С. 240 [далее: Историческое описание монастыря]).

11 См.: *Колосов В.* Попытки канонизации Патриарха Никона // Исторический вестник. Т. 2. V–VIII. 1880. С. 794–795.

аршем месте в соборе[12]. На хорах Воскресенского собора против придела св. Павла Исповедника так же находился портрет Святейшего Никона. Одно время это была известная парсуна Патриарха, на которой он изображен в окружении братии[13].

Со времени погребения Святейшего Никона в монастыре Нового Иерусалима в течение года неотменно совершались Божественная литургия и после нее панихида у гроба Патриарха в дни его памяти: 23 марта/5 апреля, святого преподобномученика Никона епископа и 199 учеников его, с ним пострадавших, – день тезоименитства Святейшего Патриарха; 24 мая/6 июня, преподобного Никиты столпника Переяславского чудотворца – день Ангела и день рождения Святейшего; 17/30 августа – день кончины Святейшего Патриарха; в Димитриевскую родительскую субботу, при этом большая соборная панихида совершалась также накануне, в пятницу; каждый вторник, кроме первой недели Великого поста, Страстной и Светлой седмиц, двунадесятых праздников и их отдания (зимой – в теплом соборном храме Рождества Христова). С 1849 г. по просьбе Московского мещанского общества ежегодно в Фомин понедельник совершалась в память Святейшего Патриарха Никона Божественная литургия и после нее панихида на его гробе «в благодарение ему за построение в самом центре России по образцу Иерусалимскому вечнаго и славнаго храма Воскресения Христова», на что ежегодно отпускалась от Общества особая сумма в 70 руб. серебром[14].

«По особенному усердию Мещанского общества к столь знаменитому и единственному на Святой Руси храму Воскресения Христова

---

[12] См.: *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Историческое описание монастыря. С. 290.

[13] РГБ. ОР. Ф. 178. № 9290. Папка 48: Описание святых мест «Нового Иерусалима». Эта парсуна всегда привлекала к себе особое внимание. А.Н. Муравьев подробно пишет о ней в статье о своей поездке в монастырь Нового Иерусалима. Знаменательно замечание митрополита Московского Филарета на рассуждение Муравьева о беседе Святителя с учениками: «Почему Вы знаете, что Никон в прении, а не просто в разлагольствии с иноплеменными учеными? Поставляя его в споре с разными православными племенами, Вы делаете услугу раскольникам» (Письмо митрополита Филарета к А.Н. Муравьеву от 2.01.1836 г. // Письма митрополита Филарета к А.Н.М[уравьеву]. 1832–1867. Киев, 1869. С. 29–30). Этот портрет А.Н. Муравьев «имел случай обновить, ибо он пришел в совершенную ветхость» (Письма митрополита Филарета к А.Н. Муравьеву. С. 30–31). В XIX в. – это тафтяная парсуна [*Леонид (Кавелин), архимандрит*. Историческое описание монастыря. С. 290], все архиерейское облачение Патриарха на ней было вышито по малиновому бархату одной из грузинских царевен из движения памяти сего великого иерарха [*Амвросий (Орнатский), епископ*. История Российской Иерархии: В 4 т. М., 1807–1815. Ч. II. С. 329]. Напротив этой парсуны находился портрет Амвросия (Зертис-Каменский), архиепископа Московского, б. настоятеля Ново-Иерусалимской обители, который по праву считается вторым строителем монастыря (*Патриарх Никон*. Труды. С. 659).

[14] См.: *Леонид (Кавелин), архим*. Месяцеслов Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря для посетителей и богомольцев сей святой обители. М., 1880. С. 23–27.

и по благоговению к памяти блаженного Патриарха Никона, основателя сей многознаменательной обители, испросившего Москве от Святой Горы подобие Иверской Святыни»[15] был устроен точный список с иконы Иверской Божией Матери, находящейся в Москве. 25 мая 1852 г., в празднование Всем Святым, икона с крестным ходом от Елеонской горы была торжественно внесена в Воскресенский монастырь и установлена под Голгофой, у западного входа в приделе святого Иоанна Предтечи.

Земным ангелом-хранителем Воскресенской обители была царевна Татиана Михайловна, которая глубоко почитала Святейшего Патриарха и всегда хранила в своем сердце благодарность за его попечение о Царственном семействе во время морового поветрия 1654 г., когда он, «не давая сна очима своима и веждома дремания», переезжал с царским обозом с одного места на другое в поисках безопасного от заразы и спокойного для них пристанища. Тяжело переживая осуждение и заточение своего духовного отца, царевна с еще большим усердием заботилась о его любимом детище – Воскресенской обители, оказавшейся в забвении и запустении после осуждения своего фундатора. Помощником в этом деле были ее крестовый дьяк, ближайший ученик и бытописатель Патриарха, Иоанн Корнильевич Шушерин с сыном, также крестовым дьяком Михаилом.

Царевне Татиане удалось расположить сердце своего племянника, Царя Феодора Алексеевича, к облегчению участи опального Патриарха. Перед своей кончиной она заповедала попечение о святой обители своей племяннице – царевне Марии Алексеевне († 1723). Обе царевны до самой своей кончины преемственно жертвовали по 100 руб. в год на ежедневное служение Литургии в приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи, где погребен Святейший Патриарх Никон, для его поминовения[16].

Новоиерусалимская обитель, построенная по замыслу Патриарха Никона и его собственными трудами, всегда была царским богомольем. 18 октября 1657 г. Царь Алексей Михайлович вместе со своим семейством был на освящении первого соборного деревянного храма во имя Воскресения Христова и, стоя на высоком холма на востоке обители, получившем впоследствии наименование Елеона, сказал Святейшему: *«Воистину благоволит Бог исперва место сие предуготовати на создание монастыря; понеже прекрасно, подобно Иерусалиму»*. Об этом свидетельствовала и надпись на утвержденном

[15] См.: Путеводитель по железной дороге от Москвы до станции Крюковской, в г. Воскресенск и по Новому Иерусалиму. М., 1853. С. 129–130 (надпись на киоте иконы).
[16] См.: Там же. С. 115.

памятном кресте на Елеонской горе[17]. Все это и определило будущее этого места как Русской Палестины, а монастырю было усвоено именование Нового Иерусалима.

В 1678–1680 гг. Воскресенскую обитель посещал Царь Феодор Алексеевич[18]. Итогом этих посещений стало возобновление строительства монастыря, первое описание обители, восстановление богослужебных чинопоследований и образа жития братии, установленных Святейшим, и возвращение, хотя и посмертно, устроителя и владыки – Святейшего Патриарха Никона.

Завершение строительства совершилось благоволением и пособием Царей Иоанна и Петра, а также царевен Татианы Михайловны и Софьи Алексеевны. 18 января 1685 г. состоялось освящение величественного Воскресенского собора Патриархом Иоакимом, а все необходимое к освящению было пожертвовано царевной Татианой[19]. В это посещение царевна Софья указала место для строительства церкви «с трапезою теплою каменною и службы по чину Иерусалимскому»[20]. Совершительницей церкви стала царевна Татиана Михайловна, поскольку царевна Софья Алексеевна с 1689 г. стала невольной постриженицей Новодевичьего монастыря; новосооруженный храм был освящен во имя Рождества Христова 13 декабря 1692 г. Патриархом Адрианом.

11 июля 1694 г. посетили Воскресенский монастырь Цари Иоанн и Петр для осмотра оконченных работ по возведению церковных и монастырских зданий с оградою[21]. В 1699 г. Государь Петр приехал в святую обитель с желанием осмотреть место сражения его войск со стрельцами, происходившего с 17 июня по 10 июля 1698 г. под стенами монастыря, и в память об этом посещении оставил в монастыре свои Андреевскую ленту и знаки ордена[22].

В 1714–1719 гг. в России с миссией в должности Брауншвейг-Люнебургского резидента был Фридрих Христиан Вебер, который соста-

---

[17] См.: *Шмидт В.В.* Елеонская часовня // Патриарх Никон. Труды. С. 721; см. в ч. II наст. сб.: Житие Никона, Патриарха Московского и всея Руси. Л. 97–98 (ркп).

[18] См.: *Леонид (Кавелин), архим*. Историческое описание монастыря. С. 31–44.

[19] Царь Иоанн Алексеевич со всем царственным семейством прибыл в монастырь 16 января вечером и сразу после встречи во святых вратах с архимандритом Никифором и братией прошел в Предтеченскую церковь ко гробу Патриарха Никона, а затем в свои царские покои, расположенные в прежних хоромах Святейшего. 18 января, после освящения собора и праздничной трапезы, царевны прошли в отходную пустынь Патриарха Никона. 19 января Патриарх Иоаким в присутствии царевен и цариц совершил Утреню в новоосвященном соборе и пел большую панихиду по Святейшему Патриарху Никону (см. там же. С. 68–69).

[20] *Леонид (Кавелин), архимандрит*. Историческое описание монастыря. С. 68, 103.

[21] См. там же. С. 145.

[22] См. там же. С. 112.

вил одно из самых ярких описаний современной России – того, что удалось ему видеть, слышать или дознать от различных правительственных мест и лиц[23]. С дозволения Императора Петра I 10 марта 1716 г. Вебер посетил Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, о чем сделал запись: «Осмотрев все замечательное, равно как и гроб погребеннаго там же Патриарха Никона, золотую церковную утварь и всю остальную сокровищницу… Некоторые Англичане, бывшие со мной и хорошо знающие толк в драгоценных камнях и жемчуге, уверяли, что драгоценности на всех этих одеждах и ризах неоценимы. Ризы, которыя носили умерший в 1702 году Патриарх Адриан и предшественник его святой Никон, хранились в двух особых сундуках, и одну из них, работы многоценной, 100 лет назад, прислали в подарок Греческие Патриархи. Митры и посохи, предносимые перед Патриархами, обиты золотом и богато усеяны драгоценными камнями; один из таких посохов подарил Московскому Патриарху отец нынешнего Персидскаго Государя… Я много слышал об этом замечательном Никоне…»[24]

В 1749–1754 гг. посещала Воскресенскую обитель Императрица Елизавета Петровна. Она много сделала для монастыря: ее именным указом 19 июля 1749 г. монастырю было возвращено именование «Новый Иерусалим»*; на поновление Воскресенского собора, пострадавшего в 1723 г. от обрушения шатра над ротондой и пожара 1726 г., и на устроение новых приделов было пожаловано 30 тыс руб.

---

[23] По возвращении в Германию в 1721 г. он издал первый том своих записок о России под названием «Das veränderte Russland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist-und Weltlichen Regiments; der Krieges-Staat zu Lande und zu Wasser; wahre Zustand der Russischen Finanzen; die geöffneten Bergwerke, die einfuhrte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Ferordnungen, Geschäfte mit denen Asiatischen Nachbahren und Vassaleu, nebst der allerneusten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewitzen, und was sich sonst merkwürdiges in Russland zugetragen, nebst veschiedenen andern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehen – den Journal vorgesteltet werden, mit einer akkuraten Land-Karte und Kurfferstichen verehen» (Frankfurt, 1720 An. in 4º). В 1738 г., после второго пятилетнего пребывания в России, в Ганноверe он издает часть II, ставшую знаменитой «Преобразованной России»; в 1740 г. он издает часть III книги. Труд Ф.Х. Вебера, тонко и полно осветивший внутреннюю жизнь России, был чрезвычайно популярен в Европе и переиздавался в 1721, 1729, 1738–1739, 1744 гг.; был переведен и издан во Франции (1-й в Гааге «Memoires pour servir à l´histoie de l´Empire Russien», затем в Париже) и Англии. В России более чем через 100 лет П. Барсовым были напечатаны выдержки из него. См.: Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке Петром Бартеньевым. Год 10 (Вып. 34). 1872. Вып. 1–6. Стлб. 1057–1059 и сл.

[24] Русский архив. 1872. Вып. 1–6. Стлб. 1363–1364, 1371–1374.

* Собор 1666–1667 г., осудивший Патриарха Никона, отнял и у монастыря Святого Живоносного Христова Воскресения Нового Иерусалима именование, означавшее его соотнесенность с первообразом и земным прообразом. В официальных документах он стал именоваться «Воскресенский монастырь, что на Истре».

Императрица Екатерина II также немало сделала для знаменитой обители: в 1769 г. пожаловала 3 тыс. руб. на устроение Святого Вертепа и «Вифлеемских» церквей в храме Рождества Христова; ее тщанием обновлен придел в честь Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня на Голгофе. При своем посещении Императрица Екатерина оставила на память в монастыре Георгиевскую ленту как учредительница этого ордена[25].

В 1797 г. монастырь Нового Иерусалима посетил Император Павел I со всей высочайшей фамилией и пожертвовал 149 тыс. руб. (его повелением вокруг земляной церкви равноапостольных Константина и Елены был ископан вентиляционный ров для отвода сточных вод). Во время этого посещения Павел I был в Богоявленской пустыни Святейшего, где «возлег на каменной постели и, поцеловав каменное возглавие, сказал: так-то великий Никон смирял себя! Труды его достойны уважения!»[26].

В 1837 г. в сопровождении А.Н. Муравьева посетил монастырь наследник трона Цесаревич Александр Николаевич. После молитвенного поклонения Гробу Господню и осмотра Рождественского храма Великий Князь побывал в скиту Патриарха Никона, «чтобы ознакомиться там с оригинальным характером человека, которому пришло на мысль создать в своем Отечестве свой Иерусалим»[27] (на память посещения он оставил свою подпись под портретом Святейшего Патриарха, находившимся в трапезной келье Святейшего). Узнав, что в Иерусалиме стены Гроба Господня обложены мрамором и над Гробом горит 36 лампад, Цесаревич изъявил желание украсить мрамором и здешнюю святыню и прислать в нее по одной серебряной лампаде от каждой особы Царствующего дома. Украшение мрамором часовни было поручено митрополиту Московскому Филарету[28], кото-

---

25 См.: *Леонид (Кавелин), архим*. Историческое описание монастыря. С. 112.

26 *Амвросий (Орнатский)*. История Российской Иерархии. Ч. II. С. 342.

27 *Муравьев А.Н.* Путешествие в Новый Иерусалим // *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам... С. 164.

28 Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. Владыка пишет 25 августа 1837 г. Муравьеву: «Делом о мраморе для Гроба Господня меньше теперь спешу, потому что в нынешнем г. нельзя уже достать мрамора и употребить. Нашли новый род мрамора, который Кампиони предпочитает известному прежде, а другие спорят против сего. Я разрешить сего не умею, и сегодня должен был послать о сем вопрос к скульптору Витали… Обложить стены в три аршина высоты, входную арку и ея лицевую часть, сделана смета в 2500 руб.» (С. 47). В письме от 22 сентября 1837 г.: «Проекта о храмине Гроба Господня не стал я переделывать, чтобы не увеличить еще медленности, которая уже произошла. Прибавить, как вы говорите, 500 руб. было бы не верно, или, лучше сказать, верно мало. Впрочем, я написал и Вашу мысль, чтобы мраморную одежду возвысить до свода. Если изберут ее: смета довершится после». При отделке Святого Гроба мрамором возникли непредвиденные осложнения. 22 августа 1838 г. Владыка сообщает Муравьеву: «Дело Св. Гроба Новоиерусалимскаго остановилось, когда я полагал

рый 12 августа 1839 г. после крестного хода торжественно святил благоукрашенную Кувуклию над Гробом Господним[29].

В 1874 г. Воскресенская обитель была обновлена тщанием действительного статского советника П.Г. Цурикова; 15 сентября освящена митрополитом Московским Иннокентием.

Последний раз монастырь встречал царственных паломников 12 апреля 1903 г.[30] В этот день обитель посетил Государь Император Николай Александрович с императрицей Александрой Федоровной, а также Великий Князь Сергей Александрович с супругой, Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, Великим Князем Димитрием Павловичем и Великой Княжной Марией Павловной в сопровождении многочисленной свиты. В приделе Усекновения главы Иоанна Предтечи, на гробнице Святейшего Патриарха Никона «его величество некоторое время пребыл в глубоком молчании, как бы внутренно молился, а потом изволил разспрашивать о веригах, висящих над гробницею, об иконе Владимирской Божией Матери, вышитой разными шелками, золотом и серебром; обращено было внимание и на изображение за престолом в приделе Иоанна Предтечи, в нише горняго места, так называемой Адамовой главы, которая находится под Голгофским камнем, и на которую, по иерусалимскому преданию, чрез разщелину Голгофской скалы падали капли крови Распятого Христа. По выходе из Предтеченского придела Их Величества и Их Высочества прикладывались к чудотворной иконе Божией Матери Троеручицы. Произведен осмотр всех 10 приделов на хорах и Ризницы. Осмотрели

его близ окончания. Рекомендованный Вами к сему делу Новоспасский архимандрит и Петровский, причисленный к тому мною, говорят теперь, что за три месяца требовали от мастера переменить некоторые доски приготовленного мрамора, потому что оне не обещали чистой отделки, но мне о том не сказали. Теперь, когда доски выполированы, оказалось, что все оне цветом бледнее образца, а некоторые и нечисты в отделке. Помещица, которой поверенный взял сей подряд, нарочно по сему приехала в Москву со слезами, и говорит, что весь слой мрамора, который теперь в разработке, оказался такого цвета, а подрядного цвета у ней нет, и найти негде. Теперь делается дознание, нельзя ли где найти, а у подрядчика мрамор освидетельствуется официально» (С. 48). Работы по обновлению Кувуклии были закончены к началу августа 1839 г. Знаменательно, что попечением митрополита Филарета в это время одновременно обновлялись Чудов монастырь и Патриаршая ризница, а также был освящен храм в новосозданной Бородинской обители на Куликовом поле (С. 59).

[29] «Устроение пещеры Гроба Господня кончено, и по моему мнению хорошо. 12 сего месяца мы освятили оное с крестным ходом и молитвою, которую с миром и любовию принесли за благочестивейшаго Государя, возлюбленнаго наследника, и весь благословенный Царский дом», – писал владыка Муравьеву 17 августа 1839 г. (см.: Письма Митрополита Московсого Филарета к А.Н. Муравьеву. С. 79–80).

[30] К этому паломничеству Царского дома был издан уникальный фотоальбом, в котором отражено былое великолепие Воскресенского монастыря Нового Иерусалима (см.: *Грибов М.* Ставропигиальный Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом. Фотоальбом. М., 1903).

возле придела во имя Марии Магдалины образ Явления ей Спасителя в вертограде, вырезанный из разных дерев и приобретенный еще Патриархом Никоном»[31].

Некоторые иностранцы, много слышавшие о монастыре Нового Иерусалима, с большим интересом осматривали эту Русскую святыню. В 1699 г. посетил ее секретарь посольства Римской империи Иоганн Корб вместе с чрезвычайным Римским послом Гвариент-Ралли; Корб много писал о Новом Иерусалиме в своем дневнике, дивясь благочестию и набожности Русских Царей и народа. В 1711 г. обитель посетил Датский посланник Юст-Юль, а в 1780 г. – Римский Император Иосиф II, путешествовавший под именем графа Фалькенштейна.

В 1848 г. посетил монастырь Его Светлость Князь Сербский Михаил Обренович.

В 1869 г. Новый Иерусалим посетил митрополит Сербский Михаил [*Леонид (Кавелин), архим.* Посещение Воскресенскаго, Новый Иерусалим именуемаго, монастыря высокопреосвященнейшим Михаилом, митрополитом Сербским // Странник. 1869. Декабрь. IV. С. 99].

В 1888 г. приезжала помолиться девятнадцатилетняя племянница Абиссинского Негуса Мария Михайловна Амонес в сопровождении двух монахинь Санкт-Петербургского Воскресенского Новодевичьего монастыря, где она воспитывалась.

На протяжении всего времени существования Воскресенского монастыря не пресекался поток паломников, желавших помолиться у святынь и поклониться их создателю, отслужить панихиду на его гробе. Неоднократно молился здесь А.Н. Муравьев и оставил описание своего паломничества[32].

Шестнадцатилетним юношей посетил монастырь Нового Иерусалима М.Ю. Лермонтов и свои впечатления увековечил в стихах.

-1-

Оставленная пустынь предо мной
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь – все, все без слов
Нам говорит о таинствах гробов.

[31] РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 46. Ед. хр. 67.
[32] См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846.

-2-

Пред мной готическое зданье
Стоит как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участья,
Святей любви, спокойней счастья…[33]

Трижды приезжал в Новый Иерусалим митрополит Антоний (Храповицкий). Убедившись с юных лет в необходимости восстановления канонического строя Русской Церкви и горячо ревнуя об этом, Владыка с раннего возраста заинтересовался личностью Патриарха Никона: тщательно изучив имевшуюся о нем литературу и вопреки преобладавшему в учебных руководствах взгляду на Патриарха Никона как на честолюбца, стремившегося захватить в свои руки прерогативы государственной власти, пришел к убеждению, что Святейший Патриарх Никон – «величайший человек русской истории за последние 200–300 лет, а может быть и во всей русской истории»[34].

Впервые Преосвященнейший посетил святую обитель в 1893 г., вскоре после своего переезда в Москву в связи с назначением ректором Московской Духовной Академии. Внимание его приковала икона Господа Вседержителя с припадающими к Его стопам святителем Филиппом, митрополитом Московским и Святейшим Патриархом Никоном (была написана по заказу Патриарха Никона в 1657 г.). Митрополит Антоний впоследствии три раза заказывал себе точную копию этой иконы и дарил ее в новые церкви Волынской епархии. О памятной для него поездке Владыка написал в своей статье «Новый Иерусалим»[35]: «Не напрасно решили историки, что название гения принадлежит тому человеку, который свою личную мечту, свою внутреннюю жизнь сделает жизнью целого народа. Мечта Патриарха Никона – слить духовную жизнь русского народа с жизнью Вселенской Церкви, с жизнью верующей вселенной… Зависть и ненависть по отношению к Патриарху Никону его личные враги, а за ними и прочие русские шовинисты, простерли и на его гениальное создание и начали толковать о том, что самое наименование нового монастыря Иерусалимом оскорбительно для Христовой веры, которая будто бы

---

33 *Лермонтов М.Ю.* Соч.: В 4 т. М., 1988. Т. 1. С. 53–54. На полях рукописи помечено: «В Воскресенске. Написано на стенах [пустыни] жилища Никона. 1830 г.»; «Там же в монастыре».

34 *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний Храповицкий и его время. Киев, 2003. Кн. I. С. 205.

35 Царский Вестник. № 86.

знает один Иерусалим на Святой Земле… Новый Иерусалим преимущественно ненавистен врагам Христовым, как знамя православной русской культуры, простирающей свое влияние на русскую жизнь и призывающей наш народ к почитанию церковного приоритета»[36].

Благоговейно чтивший память Святителя, митрополит Антоний часто обращался к нему в своих лекциях. Он говорил, что «чем больше изучаются наши исторические памятники, тем ярче и ярче выступает перед нашим мысленным взором светлый образ Святейшего Никона Патриарха – великого праведника»[37], главным нравственным правилом которого была любовь[38], что, по глубокому убеждению благочестивых русских людей, настанет время, когда этот великий угодник Божий будет прославлен на земле и причислен к торжествующей Церкви на небесах.

Лекция о Патриархе Никоне была прочитана Преосвященнейшим Владыкой и на Всероссийском соборе (1917–1918 гг.). Митрополит Антоний обратил внимание членов Собора на Патриарха Никона как на невинного страдальца от неправедного суда, которого Бог прославил чудесами. Лекция произвела глубокое впечатление на участников и во многом способствовала повороту настроения в пользу восстановления Патриаршества в России.

Еще одним веским аргументом в пользу восстановления Патриаршества стало предпринятое в 1917 г. по инициативе митрополита Антония паломничество участников Собора к месту трудов Патриарха Никона и его последнего упокоения – в Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, – совершенное накануне избрания Патриарха, на-

---

[36] *Никон (Рклицкий), архиеп.* Указ. соч. Кн. I. С. 208–212.

[37] Восстановленная истина: Лекция Высокопреосвященнейшего Антония, архиепископа Волынского, о святейшем Никоне, Патриархе Всероссийском. Харьков, 1910. С. 29.

[38] Святейший Патриарх часто напоминает в своих трудах – *любви начало бытие и конец Христово пришествие*: «Но свидетельство совести по силе соблюдающе невредимо, неуязвлено, ко искупившему нас честною Своею кровию Христу Богу распалением любве делы (л. 110об.) благими показующе, вечных благ сподобимся» (см.: *Никон, Патриарх.* Возражение или Разорение… // *Патриарх Никон*. Труды. С. 232; «Аще (на поле л. 344 помета: Фил. 239), кое убо утешение о Христе, аще утешение любве, аще кое общение духа, аще кое милование и щедроты, исполните ми любовь, да тоже мудрствуете вси, ту же любовь имуще, единодушни, единомудренни, ничто ж по рвению или тщеславию. Прочее (на поле помета: Фил. 247): Братие, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика чиста, елика любезна, елика (л. 345об.) похвална. Аще что добродетель, аще что похвала. Сия помышляйте, яже и научистеся и приясте, и слыщасте, и видесте, во мне сия творите... (л. 345) … Бывайте убо подобни Богу яко чада возлюбленая, и ходите в любви, яко ж и Христос возлюби нас и предаст Себе за ны прошение и жертву Богови в воню благоухания... Подобни (на поле л. 358 помета: 1 Кор. 147) ми бывайте, яко же и аз Христу. Никто (на поле помета: 1 Тим. 285) же от юности своея да не нерадит, но образ буди верным в слове, в житии, в любви, в вере, в чистоте» (см.: *Никон, Патриарх.* Духовные наставления христианину // Там же. С. 188, 190).

значенного на 5 ноября. Богослужение совершал митрополит Евлогий (Георгиевский, 1868–1948).

Паломничество в Воскресенский монастырь, связанный с историческими традициями патриаршей власти, имело большое значение для членов Собора – оно способствовало внедрению в их сознание еще новой для них идеи патриаршего первосвятительского единовластия[39]. При интронизации Патриарха Тихона, происходившей 21 ноября 1917 г. в Успенском соборе, для облачения были взяты из Оружейной палаты ряса Патриарха Ермогена, мантия, митра и клобук Патриарха Никона и жезл святителя Петра.

В 1931 г. в Варшаве вышла книга «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи». Автором этого капитального труда, до сих пор остающегося самым полным и глубоким исследованием о великом Святителе, был М.В. Зызыкин (1880–1960), участник паломничества в Воскресенский монастырь в ноябре 1917 г. Именно во время Собора зародилась у него мысль об этой книге, «среди грохота разваливавшейся русской государственности и потуг возрождения Русской Церкви в реформе», когда «невольно вставали общие и вечные вопросы церковно-государственных отношений».

Патриарх Никон был лучшим выразителем идеи Патриаршества. «Личность Никона срослась с этим учреждением, – отмечал Зызыкин, – и по нему мы можем судить и о том, что такое было Патриаршество для русских православных людей»[40]. Зызыкин обратил внимание на то, что рассмотрение феномена Патриарха Никона важно не только для канонической государственно-правовой и исторической стороны его дела, но и для русского православного самосознания в смысле искупления своего греха перед Церковью и великим святителем Божиим, прославленным Богом удостоверенными чудесами. И в этом аспекте проблема Никона есть не только проблема русского прошлого, но и русского будущего, связанная с проблемой действенной силы Православия в мире[41].

С закрытием монастыря в 1919 г. и всеобщим атеистическим воинственным помрачением духовная мощь Нового Иерусалима и его ревностного глашатая Патриарха Никона не оскудела, но в изменившихся условиях проявлялась по-иному. Новый Иерусалим явил народу Божию новомучеников. В лике святых прославлены: *архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров)*, управлявший Воскресенским

[39] См.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 278–279.
[40] *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931; М., 1995 (репринт). Ч. 1. С. 6.
[41] См. там же. С. 8.

монастырем с 1907 по 1911 г. и принявший мученическую кончину в 1919 г. в Воронеже (был повешен в храме на царских вратах, память 27 декабря/9 января); *епископ Невельский Иона (Лазарев)*, бывший в сане архимандрита наместником монастыря с 1911 по 1918 г. (в 1937 г. расстрелян на полигоне в Бутово, память 8/21 октября); *митрополит Петроградский и Гдовский Серафим (Чичагов)* – был настоятелем монастыря в сане архимандрита немногим больше года, с февраля 1904 по апрель 1905 г., но этот год стал важной вехой в истории Воскресенской обители и ознаменовался оживлением монастырской жизни и обновлением всего монастырского комплекса, третьего и последнего в истории монастыря. Кроме того, архимандрит Серафим переоборудовал монастырскую ризницу и музей Патриарха Никона, коллекцию которого он пополнил своими пожертвованиями, среди которых фотоснимок с иконы Спасителя «Приидите ко мне вси труждающиеся», писаной на полотне им же (митрополит Серафим расстрелян в Бутово в 1937 г., память 28 ноября/11 декабря). Принятый архимандритом Серафимом в мае 1904 г. в послушники Исаакий Подлуцкий в 1912 г. был пострижен в монастыре Нового Иерусалима с именем Исихий и впоследствии стал архимандритом монастыря (в 1938 г. был расстрелян на Бутовском полигоне).

Вторая мировая война оставила неизгладимый след в истории монастыря – 10 декабря 1941 г. при отступлении немецких войск саперы фашистской дивизии СС «Райх» взорвали Воскресенский собор, башни крепостной стены и разрушили перекрытия Трапезных палат; территория монастыря была заминирована. Но и это страшное время засвидетельствовано незримым покровительством Святейшего Патриарха – остались неповрежденными строения и святыни, устроенные и освященные им самим: Голгофа с кипарисовым Крестом в меру Креста Господня, придел Успения Пресвятой Богородицы, где отпевали усопшего Святителя, придел Усекновения главы Иоанна Предтечи с захоронением Святейшего Патриарха, каменные узы Спасителя, камень повития, Гроб Господень, уникальные керамические иконостасы.

В послевоенное время закрытый монастырь с практически недоступной гробницей Святейшего Никона оставался духовной опорой для страждущих и ищущих спасения души. Кто имел возможность, тайно молился в монастыре и в скиту; кто не имел такой возможности, тот приходил в Гефсиманский сад к Силоамскому источнику, к патриаршему камню, лежавшему между Кедронским потоком и Богоявленским скитом, к Мамврийскому дубу, на гору Фавор. Их

прогоняли дружинники, но паломники приходили снова и снова, приезжали из самых дальних мест.

В 70–80-х гг. XX в. в закрытых на реставрацию Воскресенском соборе и Богоявленском скиту молились, поминая Патриарха Никона, архиепископы Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев, с 1986 г. митрополит), Курский и Рыльский Хризостом (Мартышкин, с 2000 г. митрополит Виленский и Литовский), архимандриты Алексий (Кутепов, с 1984 г. наместник Троице-Сергиевой лавры, с 1990 г. архиепископ Алма-Атинский) с братией Троице-Сергиевой лавры, Евлогий (Смирнов, с 1983 г. наместник Свято-Данилова монастыря, с 1995 г. архиепископ Владимирский и Суздальский) с братией Данилова монастыря, священник Иннокентий (Просвирнин, с 4 февраля 1970 г. диакон, с 22 февраля 1970 г. пресвитер, с 1977 г. иеромонах Иннокентий, с 1981 г. архимандрит), игумен Серафим (Шлыков), протоиереи Лев Лебедев, Николай Попов, иерей Петр Филиппов и многие другие[42], которым «несть числа», но обозначим лишь некоторых.

Протоиерея Льва (Лебедев, 1935–1998) Господь призвал к священническому служению из Ново-Иерусалимского музея, куда он пришел по окончании университета. Изучая все, что связано с Воскресенским монастырем и его основателем Патриархом Никоном, Лев Лебедев стал глубоко верующим человеком и принял священнический сан. В 1964 г. среди обломков довоенного музея в развалинах Воскресенского собора им был обретен запрестольный выносной кипарисовый крест Патриарха, в преднесении которого последний выходил на первое заседание судившего его Собора 1666 г.[43]

В начале 90-х гг. XX в. в Ново-Иерусалимском монастыре стала возрождаться церковная жизнь, сначала общинная, при храме святых равноапостольных Константина и Елены. Община не имела своего священника, но не оставалась без духовного наставничества. Помогал своим советом и духовным окормлением настоятель Покровского храма Истринского благочиния протоиерей Георгий (Тобалов); всегда откликался на просьбы членов общины отслужить молебен настоятель храма Спаса-Преображения Господня в селе Бужарово о. Николай (Гусаков, ныне иеромонах Ермолай)[44] – в праздник Богоявления 1993 г.

---

[42] См.: *Зеленская Г.М.* Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII–XX веках // Никоновские чтения. М., 2002. С. 94.

[43] См.: *Лев (Лебедев), прот.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 161, 343.

[44] Храм Спаса-Преображения Господня в Бужарово был передан Русской Православной Церкви в 1991 г., в жалком, растерзанном, виде, с намеком на восстановительные работы в виде строительных лесов. До этого храм долгое время использовался как колхозный морозильник. Настоятелем храма стал о. Николай (Гусаков), прежде бывший главным

он совершил первый после закрытия монастыря водосвятный молебен в церкви святых Константина и Елены, а также на Иордане. Большую духовную помощь получили члены общины от общения с последним Ново-Иерусалимским монахом, старцем архимандритом Иосифом (Софроновым, † 1993), к которому ездили в с. Внутово (место его последнего служения) за благословением и советом. Промыслом Божиим членам церковной общины посчастливилось встретиться у гробницы Святейшего Патриарха с архимандритом Иннокентием (Просвирниным, 1940–1994), молиться с ним, вести духовные беседы, получать пастырские наставления.

После возобновления в 1994 г. в Воскресенском монастыре монашеской жизни в святую обитель неоднократно приезжали для молитвенного предстояния у гробницы Святейшего Патриарха: епископ Красногорский Савва (Волков; глубоко почитая Святейшего, владыка пожертвовал на восстановление прежнего благолепия Голгофского придела Страстей Христовых необходимое сусальное серебро, собрал замечательную художественную коллекцию житийных сюжетов Патриарха Никона[45]); священники-координаторы европейской организации «Помощь Церкви в беде», пожертвования которой помогли демонтировать разрушавшие изнутри ротонду и Гроб Господень строительные леса. Духовник Санаксарского монастыря схиигумен Иероним (Верендякин, 1932–2001), входя в храм св. Иоанна Предтечи, прежде всего клал три земных поклона пред алтарем и затем творил молитву у гроба Святейшего Никона (схиигумен Иероним и скончал-

---

инженером гидроузла им. Куйбышева. В церковном его служении помогала вся семья – жена Светлана, дети Павел и Елена. В храме возобновилось регулярное богослужение, появились постоянные прихожане, постепенно храм был восстановлен.

[45] *В.Ш.*: В настоящее время идет процесс активного художественного осмысления жизнедеятельности Патриарха Никона: создано более семи памятников; И. Черапкин и В. Петров изготовили памятные медали с изображениями Патриарха Никона; нами разработан ряд иконографических изображений Патриарха Никона, которые выполнены художниками-иконописцами Ф. Сынтиным и Ю. Лукьяновым, К. Струниным (опубликованы в кн. «Патриарх Никон. Труды» и настоящем сб.); в Мстерском художественно-промышленном училище им. Ф.А. Модорова под руководством Н. Струниной и в Холуйском художественном училище им. И.Н. Харламова под руководством М. Печкина создана коллекция лаковых миниатюр, переданная в дар Музею «Новый Иерусалим» В. Шмидтом; самая большая коллекция житийных сюжетов создана художником-иконописцем М. Тодоровой (опубликованы в кн.: Патриарх Никон: Жизнь. Подвиги. Наследие / Под общ. ред. В.В. Шмидта: В 3 ч. М., 2007); созданы портретные образы: «Святейший Никон, Патриарх Московский и всея России» (миниатюра, финифть; художник – С. Никифоров), «Патриарх всея Руси Никон» (художник – И. Сидельников; Галерея Дома Правительства Республики Мордовия, г. Саранск), «Святейший Патриарх Никон» (художник – А. Кияйкин; репродукции четырех картин опубликованы в кн.: *Доронин А.* Тени колоколов: Роман. Саранск, 2005); «Строительство “Нового Иерусалима”» (художник Б. Черушев, изображение опубликовано в: *Патриарх Никон*. Труды». С. 658).

ся в день памяти Патриарха Никона – 6 июня. 8 июня 2001 г., в день его погребения, на гробнице Патриарха приезжий священник по обетованию служил Литию с упоминанием за ней Святейшего Никона и новопреставленного схиигумена Иеронима).

Сохраняются неразрывные духовные узы Воскресенского монастыря Нового Иерусалима с Белой Русью. Как некогда во времена Патриарха Никона на строительстве и благоукрашении монастыря трудились белорусцы, так и теперь в монастыре несут послушание выходцы из белорусских земель*. Сохраняя исторические связи и преемственность поколений, в 1997 г. от народа Беларуси Президент Республики А.Г. Лукашенко передал в дар восстанавливающейся обители два трактора «Беларусь».

Приходили на моление ко гробу Святейшего настоятель Черниговского скита Троице-Сергиевой лавры игумен Борис (Храмцов, 1955–2001), монашествующие из Нило-Столобенской пустыни, из Псково-Печерского монастыря и Киево-Печерской лавры, из Почаевской лавры и Оптиной Пустыни, греки со Святой горы Афонской и из Палестины, зарубежные архиереи, семинаристы и преподаватели Московской, Сретенской, Коломенской, Николо-Угрешской семинарий. В дни памяти Патриарха Никона молились на гробнице Святейшего братия Соловецкого монастыря, священство и прихожане храма преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, где хранится Кийский крест, устроенный Патриархом Никоном для Крестного Кий-островского монастыря.

Особенно ярко проявилось духовное влияние Святейшего Патриарха Никона на судьбы небольшого села в Оренбургской области с его храмом во имя Архистратига Божия Михаила. Настоятель его, иеромонах Виссарион (Варюхин), после паломничества в Святую землю и монастырь Нового Иерусалима возгорелся духом воспроизвести в своем храме образы святых мест Палестины. По благословению епархиального священноначалия в селе Октябрьском Оренбургской области появились подобия святых мест Палестинских – возник Малый Иерусалим.

---

* Наместником монастыря с 1995 по 2008 г. являлся архим. Никита (Латушко; родился в п. Лоев Гомельской обл., респ. Беларусь; б. начальник Духовной миссии Русской Православной Церкви в Иерусалиме); секретарем монастыря с 1997 по 2004 г. являлся послушник Виктор (Шмидт; родился в г. Пинске, респ. Беларусь), в настоящее время – Василий (Мартысевич; родился в г. Кобрин, респ. Беларусь); по приглашению наместника Минские духовные школы ежегодно направляют для несения клиросного послушания своих учащихся (среди которых: С. Цап, В. Асадчий, А. Полещук, В. Петлицкий, А. Брильков, Д. Карвецкий и др.), а для оказания богослужебной помощи возрождающейся обители приезжают клирики Белорусского экзархата Русской Православной Церкви.

Необыкновенный образ сильного духом Святителя, Патриарха Никона, неправедно отправленного в ссылку, с детства запечатлелся в душе отца Павла (Груздева, 1910–1996). В синодике духоносного старца, в котором длинный список имен разместился на шестидесяти страницах, первым стоит имя Святейшего Патриарха Тихона, отечески благословившего отрока Павла Груздева на монашеский путь, за ним следует имя Святейшего Патриарха Никона. Павел был воспитан в Мологском Афанасьевском монастыре, приписном к Воскресенскому монастырю Нового Иерусалима. Сильнейшее впечатление произвело на будущего старца и навсегда запало в душу монастырское предание о том, как в декабре 1666 г. опального Патриарха Никона везли в ссылку в Ферапонтов монастырь мимо Афанасьевского монастыря, и настоятель, ученик Патриарха Никона Сергий Прокофьев с братией вышли навстречу и «воздали честь опальному Патриарху, за что были избиты стрельцами и выгнаны из обители».

От места упокоения Святейшего Никона обратим свой взор на его родину, небольшое село Вельдеманово в Перевозском районе Нижегородской области. Чрезвычайно красивое, раскинувшееся вдоль оврагов на высоких холмах, оно стоит вдалеке от больших дорог. Жители его тихо, не напоказ, хранят память о своем знаменитом земляке, который мальчишкой бегал по здешним улицам, страдал от злой мачехи, учился у местного старца. 22 мая 1995 г., к 390-й годовщине со дня рождения Патриарха Никона, на месте его родового дома, на Красной Горке, трудами учащихся Вельдемановской школы во главе с учителем истории Н.И. Горюновым и учителем труда В.В. Евтиным был заложен камень с надписью: «Здесь родился Патриарх всея Руси Никон, 1605 – 1681 гг.» и обнесен деревянной оградой, сделанной на школьных уроках. За памятным камнем стал присматривать живший неподалеку Г.И. Башкиров, который в 2000–2001 гг. установил неподалеку металлический памятный Крест, изготовленный вельдемановцем И. Вакеевым.

Для паломника напоминанием о поминовении Святейшего Никона на его родине служат установленный к 400-летию Патриарха большой щит перед въездом в село, сообщающий, что в Вельдеманове в 1605 г. родился Патриарх Православной Русской Церкви Никон, и незавершенный мемориальный комплекс на Красной Горке, где стоял родовой дом Патриарха. Под горой – такое же незавершенное обустройство источника, из которого еще ребенком Никита Минин черпал воду. Незавершенное строительство, полуразрушенный храм Казанской иконы Божьей Матери, на котором вместо золо-

тых куполов и креста, сиявших еще несколько лет назад, теперь синие купола и деревянный крест, – все это производит удручающее, гнетущее впечатление и свидетельствует о разорении памятных и святых мест истории нашего Отечества.

Скажем еще несколько слов об источнике, поскольку с ним у автора связано и благодатное воспоминание – просто совершенное чудо: вода из источника в эту первую поездку, набранная в тридцатиградусную жару в бутылку из-под кваса, через две недели хранения оказалась мутной и с запахом. Посетовав, что нечего будет привезти с родины Святейшего почитателям его памяти, я все же воду не вылила, а убрала. Вспомнив о ней через две недели в связи с поездкой в обитель, обнаружила, что вода была кристально чистой, без запаха и удивительно вкусной, как и в источнике.

Происходящий ныне поворот в сознании многих людей к вечным ценностям Православия все больше высвечивает духовную сторону служения Святейшего Никона, его патриаршество, его первосвятительский подвиг. Для своего народа на протяжении многих лет он был прежде всего великой исторической личностью, великим государственным деятелем, поднявшимся от простой крестьянской избы на самую вершину власти.

Большая родина Патриарха Никона – Мордовия – еще с 90-х гг. XX столетия обозначила его в ряду выдающихся людей, поместив его портрет первым в галерее Дома Правительства Республики, а в год 400-летия со дня рождения Святителя почтила своего соотечественника памятным поклонным крестом из черного мрамора с надписью: «*Его Святейшеству, Патриарху всея Руси Никону от мордовского народа*», торжественно установленным 28 мая 2005 г. в селе Вельдеманово с южной стороны от Казанской церкви. К 325-летию со дня кончины Святителя в Саранске предполагается установить первый в России памятник Патриарху*, выполненный мордовским скульптором Н.М. Филатовым.

---

* Еще в начале XVIII в. в Ярославле, на месте кончины Святейшего Никона, планировалось установить мемориальный памятник – храм-часовню во имя прп. Александра Свирского, но разработанный проект так и не был осуществлен. На сегодняшний день уже известны более семи проектов памятника Патриарху Никону, их авторы: И. Черапкин, Ю. Злотя, Н. Филатов, С. Полегаева, Ж. Орловская и О. Уваров; В. Шмидт, К. Струнин и А. Алубаев представили проекты памятников на конкурсе-выставке в Музее изобразительных искусств им. С. Эрзи (Саранск, Республика Мордовия); работа В. Петрова выставлена в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» (Истра, Московская обл.).

Особая тема – значение Патриарха Никона для жителей города Истры* Московской области, его влияние на их жизнь. Многие из приезжающих в этот город отмечают приветливость, какую-то особую душевность и чуткость местных жителей. Не побоимся утверждать, что причина этому – Ново-Иерусалимский монастырь, который для многих вновь открывает Святейшего Патриарха Никона, и это навсегда отражается на всей последующей жизни[46]. Для примера приведем несколько историй.

В первой половине 30-х гг. XX в. в Воскресенском монастыре была вскрыта гробница Патриарха. В соответствии с былыми порядками для формального соблюдения законности была создана комиссия, в которой принял участие сотрудник истринской милиции, родственник Р.И. Шорец, бывшей в те годы девочкой-подростком. Происшедшее вскрытие произвело на него столь сильное впечатление, что он сразу после этого пришел к своему брату и рассказал о вскрытии гробницы Патриарха Никона: долго не могли снять верхнюю плиту[47], подводили ваги, а когда все-таки открыли гробницу, то больше всего людей поразило, что все было абсолютно цело, Патриарх лежал как живой, особенно запомнилось лицо. Потом стали снимать облачения, но когда стали браться за нижнее, то все рассыпалось в прах. Так запомнила этот рассказ – племянница участница комиссии, присутствовавшая при разговоре. Эмоциональное впечатление было настолько сильным, что рассказ врезался в ее память на всю жизнь**.

После окончания войны в монастыре Нового Иерусалима были зарубежные архиереи, поименно нам они неизвестны. Они приезжали, чтобы лично удостовериться в разрушении знаменитого монастырского архитектурного комплекса, который был включен как свидетельство преступлений фашистов против человечества в материалы Нюрнбергского процесса. В ходе визита они просили местное руко-

* До 1930 г. – г. Воскресенск.

[46] См.: *Димов В.А.* Путешествие в Новый Иерусалим: Книга о разнообразии Истринской земли, ее святых, героях и ученых. М., 2005.

[47] Плита толщиной около 9 см, которая покрывала каменный гроб, была отпилена от камня, драгоценного алебастра, который повелением Патриарха Никона был привезен с Белого моря в Воскресенский монастырь для церковных нужд, а после кончины Святейшего Царь Феодор Алексеевич указал из этого камня истесать гроб для усопшего Святителя. Тогда-то и была сперва отпилена двухвершковая плита, а затем камень растесан в глубину так, чтобы мог вместить дубовый гроб с телом покойного. Каменный гроб был опущен в собственноручно выкопанный Патриархом ров, поверх же него сведено кирпичное навершие, и все покрыто церковным помостом (см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание монастыря. С. 55).

** Повзрослев, девочка стала историком, изучала монастырскую историю, работала в краеведческом музее, разместившемся в стенах монастыря, и до сих пор собирает материалы о святой обители и ее основателе, о выросшем вокруг стен городе.

водство дать им провожатого из местных старожилов и обязательно беспартийного. Можно удивляться, но такой человек нашелся в городском совете – им был Н.Ф. Грузов. Из рассказов о том знаменательном событии в кругу семьи его невестка пересказывала наиболее запомнившееся: «Комиссия осмотрела монастырь. По окончании работы перед собором были накрыты столы белыми скатертями (возможно, что и молебен был отслужен) и было угощение. Архиереи сказали властям, что Церковь может восстановить монастырь, но их предложение было отклонено. После этого визита в течение нескольких лет от приезжавших приходили письма, в которых они интересовались положением монастыря, положением верующих, но Н.Ф. Грузов, по понятным причинам, никогда не отвечал»[48].

После возобновления жизни Воскресенского монастыря, в 1994 г., впервые со времени восстановления в Русской Церкви Патриаршества, Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь своим присутствием почтил Святейший Патриарх Алексий II. 25 августа в Воскресенском соборе он совершил торжественный молебен, осмотрел монастырские строения, прошел к скиту и Иордану*. 6 декабря 1997 г. Его Святейшество совершил освящение храма Рождества Христова, а 16 декабря 1999 г. – придельной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Воскресенском соборе. Каждое богослужение Святейший Патриарх заключал проникновенным словом, исполненным почтения и любви к Патриарху-страстотерпцу, призывал к возрождению достойной и спасительной монашеской жизни на месте подвигов и упокоения Святителя.

6 июня 2005 г. впервые после закрытия обители в день памяти Святейшего Патриарха Никона была совершена архиерейским чином Божественная литургия и соборная панихида на гробнице Патриарха, что ознаменовало возобновление почитания памяти Святейшего Патриарха Никона.

От Патриарха Никона «изливалась поразительная – могучая и добрая – духовная сила, способная легко покорять сердца людей. Основными составляющими этой мощи являлись глубокая молитвенность, большой жизненный опыт, многолетний аскетический подвиг

---

48 В доме матери Н.Ф. Грузова до закрытия монастыря всегда останавливались паломники; его сын-школьник по их просьбам заводил часы на монастырской колокольне. Муж внучки Н.Ф. Грузова В.И. Вышегородцев стал ученым-историком, водил своих студентов с экскурсиями по монастырю и написал научный труд о Патриархе Никоне (Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон // Великие государственные деятели России. М., 1996). Теперь уже правнучка Н.Ф. Грузова разбирает архив своего рано умершего отца, чтобы издать неопубликованные материалы о Святейшем Патриархе.

* Река Истра в пределах Русской Палестины.

в самых суровых условиях, цельность души в ее стремлении к Богу, отрешенность от земных страстей, необыкновенное спокойствие, порожденное внутренней независимостью, поразительная прямота и честность (Никон никогда не умел хитрить), живой ум, бодрость духа, большая начитанность, прекрасное знание Священного Писания, умение вести беседу даже с сильными мира сего непринужденно, без робости, но с должным почтением. Это было то природное благородство души, которое не редкость в простом верующем русском народе и которое всегда вызывает восхищение»[49].

Отзывы о Патриархе Никоне[50]

В.Ш.[51]: Анализ и обобщение историографической традиции, сложившейся в вопросах оценки роли и деятельности Святейшего Патриарха Никона, дают основание утверждать, что отечественные историки, как правило, имеют предвзятое мнение, и их исторический вердикт далек от объективности. Более заботясь о себе, своем положении и признании со стороны государственной власти, нежели о научно-исторической правде, эти ученые мужи охотно принимали на веру приписываемое Патриарху Никону дворцовой легендой стремление к захвату царской власти. Не утруждая себя тщательностью в изучении архивных материалов, они были словно флюгер, творили «свою историю», которая пропагандировалась властью, ими же обеленной. Все это вряд ли содействовало открытию Правды, торжеству Истины и оттого и никак не способствовало становлению государства и развитию гражданского общества. Создается впечатление, что в своей духовной беспечности и бытийной безответственности и власть, и обеспечивающие ее – избра́нные от научно-интеллектуальной элиты и клира – изгладили из своей памяти непреходящий принцип: в плюющего в свою историю будущее стреляет из пушки.

Практически никто из исследователей до последнего времени не обращал внимания на то, что так называемая *историографическая критическая* традиция была заложена людьми, не радевшими о величии и могуществе России, а работавшими на подрыв. Прежде всего в истории Патриарха Никона мрачный след оставил *Паисий Лигарид*. Именно составленное Лигаридом описание бесчинного Судного собора 1666 г. (организованного им же вместе с Царем и Приказом тайных дел), в котором на будущие времена внушались якобы присущие Первоиерарху Русской Церкви гордость, тщеславие, жажда власти, брали наши именитые отечественные историки за исходный пункт в объяснении личности и поступков Патриарха Никона.

---

[49] Патриаршество в России: К 75-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II / Авт.-сост. А.Г. Парменов. М., 2004. С. 95–96.

[50] Составлено по материалам: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. М, 1995; *Лобачев С.В.* К вопросу о ранней биографии Патриарха Никона // Средневековая Русь: Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р.Г. Скрынникова. СПб., 1995; *Серафим (Соболев), архиеп*. Русская идеология. М., 1999; *Тальберг Н.* История Русской Церкви. М., 1994.

[51] См. в сб.: *Шмидт В.В.* Патриарх Никон: наследие; также см.: *Он же.* Предисловие // Патриарх Никон. Труды; *Он же*. Никон, милостию Божией Патриарх: от господствующей идеологии к историческому наследию // Социальные конфликты в России XVII– XVIII веков. Саранск, 2004. С. 24–69.

Вместе с тем важен и следующий факт: бывавшие в России иностранцы стремились как можно больше узнать о Патриархе Никоне и его деятельности и сделать его мысли доступными и своему правительству, и своему народу. Так что научно-исследовательская позитивная историография в большей степени, чем российскими, сформирована европейскими историческими и обществоведческими школами. При этом бросается в глаза следующий факт: отечественная специализированная реферативно-обзорная научная и популяризаторская литература при появлении позитивных исследований, связанных с именем Патриарха Никона, обходила их стороной – они практически не упоминались, если же были какие-то публикации, то зачастую необъективные и формальные. Возникает ощущение, что исторически с именем и делом Святейшего Патриарха Никона был связан идеологический заговор, защищенный и обеспеченный государственными силами.

* * *

Среди иностранцев, оставивших после Паисия Лигарида свое суждение о Патриархе Никоне, нужно различать лиц, бывших при Московском дворе вскоре после его патриаршества, и лиц, знавших о Святейшем лишь по слухам.

Отзыв о Патриархе Никоне иностранных православных иерархов, имеющих право судить высших духовных лиц, дается в грамоте *Константинопольского Патриарха Иакова* от 5 мая 1682 г. (также в грамотах и остальных Вселенских Патриархов – Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского): «*… и в прошлых годех бывший Патриарх Московский и всея Руси кир Никон... столп благочестия неколебаемый знаем бысть, и Божественных и священных канон оберегатель искуснейший, отеческих догмат повелений же и преданий неизреченный ревнитель, но заступник достойнейший: но яко человек человечески болезнствуя от малодушия некоего гневом и унынием побеждаем бысть, которых ради вин… умноживше ссоры… и обличен и повинен осужден по закону церковному наказанию и оставлению патриаршескаго достоинства, яже благосовестнее приняв многими и тьмочисленными печальми и нуждами себе усмири и… яко злато в горниле искушен бысть… праведно и достойно благоприятнаго мужа онаго от извержения возменяем…*».

Барон Мейерберг, прибывший в Москву 25 мая 1661 г., источником своего осведомления имел двор. «О причинах падения Патриарха Никона, – писал он, – существуют разные толки. Наиболее вероятное объяснение у тех, кто приписывает его падение страсти нововведений и его неугомонному настроению, которым он вовлек Россию в войну сначала с Польшей, и затем с Швецией».

Доктор Коллинс, в качестве капеллана сопровождавший в Москву компанию английских купцов, писал в 1660 г. о Патриархе Никоне: «Патриарх глава во всех церковных делах, очень почитаем Его Величеством, но из-за какого-то неудовольствия он удалился в свой монастырь два года назад… Бояре говорят, что Никон, если бы имел власть и время, захватил бы 1/3 государства; но когда Никон предложил условия своего ухода и заметил, что патриарший дом может же чем-нибудь содействовать его содержанию, ибо он увеличил его доход до 20 000 руб. ежегодно, то они не смогли согласиться».

Ф.Х. Вебер с дозволения Императора Петра I в 1716 г. посетил Воскресенский монастырь Нового Иерусалима, о чем сделал запись и засвидетельствовал о Святейшем Патриархе: «Осмотрев все замечательное, равно как и гроб погребеннаго

там же Патриарха Никона... Ризы, которыя носили умерший в 1702 году Патриарх Адриан и предшественник его святой Никон … Я много слышал об этом замечательном Никоне…»

Архидиакон Кокс (сведения о нем напечатаны в 1792 г. в Лондоне), сопровождавший лорда Герберта в его путешествии в Польшу и Россию, называет Патриарха Никона человеком выдающихся способностей, просвещения и добродетели, смелым патриотом и самым верным советником и слугой Царя, падение которого вызвано завистью и злобой придворных, не могших вынести его превосходства.

Кульчинский (униат) выдавал за факты сплетни, распускаемые врагами Патриарха Никона, почему и писал, что «Никон хотел носить титул Папы по примеру Восточных Патриархов, писавшихся иногда Папами, что будто у него заготовлены были папские регалии», а также разные другие несуразности о Патриархе Никоне, приписывая ему католичество.

Пихлер в своем сочинении «Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident» опровергает опубликованные Кульчинским небылицы о Патриархе Никоне.

Levesque в четвертом томе «Histoire de Russie» касается участия Патриарха Никона во внешней политике Московского государства: «Никон содействовал своим мнением войне с Польшей. Шведская война вытекла из нее. Когда пришлось снять осаду с Риги, когда успехи в Польше стали менее значительны, Алексей отнес все несчастья к советнику. В событиях Царь был виновен не менее Никона. Но Никон увидел перемену чувств в Царе и не захотел играть при дворе в столице смиренное лицо опального фаворита; он ушел на дело простого монаха в Воскресенский монастырь».

Обвинение Патриарха Никона в развязывании Шведской войны повторяется у немецкого историка *Hermann* 'а в «Geschichte von Russland», причем окрашивается заботами Патриарха о православных Ингрии и Карелии: «Если Никон имел своим влиянием преимущественное участие в начале Польской войны, то одновременно он надеялся поставить под русское господство православных жителей Карелии и Ингерманландии и поощрял ради этого Царя к войне со Швецией в Ливонии. После неудачного исхода с этим начинанием охладело к Никону то доверие, которое делало из Никона закон для Царя… [Никон] он удалился в Воскресенский монастырь не из противодействия светской власти, а вследствие порухи чести, несовместимой с его духовным положением и непереносимой для его достоинства».

А. Стэнли, писавший о Святейшем Никоне в первой половине XIX в., преисполнен великого почитания к характеру и деятельности Патриарха: «Неоспоримо, Никон есть величайший характер в летописях русской иерархии, и даже между деятелями своей Восточной Церкви немного можно указать таких, которые могли бы сравняться с ним, как церковные политики… Через всю глубокую мглу, которая лежит над нами, можно разглядеть оригинальный характер человека, соединяющего со своенравным упрямством переросшего избалованного ребенка редкий юмор и неутомимую энергию западного политика».

Стэнли считал Патриарха Никона первым русским реформатором и великим иерархом, понявшим, «что настало время дать жизнь обрядовым церемониям и нравственное направление набожным чувствам русской религиозности». Разрыв между Патриархом и Царем Стэнли объясняет продолжительным отсутстви-

ем Царя в походе и неудачей Шведской войны. Описывая гробницу Патриарха в Воскресенском монастыре, Стэнли пишет: «Здесь покоится он, далекий от идеального типа святого характера, оставив, однако же, своей Церкви пример, в котором она нуждается, решительного и деятельного руководителя, призванного и прославленного, когда признание и слава были уже слишком поздни». Для Стэнли остались непонятыми взгляды Патриарха Никона, но он оценил его могучую природу, нравственную независимость, прямоту, бескомпромиссность в борьбе, полное отсутствие человекоугодничества и признал в нем одного из величайших иерархов всей Восточной Церкви.

Theiner в своем сочинении «L'Eglise schismatique Russe d'après les rélations récentes du prétendu Saint-Synod» пишет: «По Иосифе I вступил Никон, человек дивного величия духа, воистину достойный занимать Патриарший престол... Это – первый и единственный русский Патриарх, поступавший по чувству долга и по достоинству своего служения. И он пал жертвой власти, которую пугало его величие. Антиохийский и Александрийский Патриархи, приглашенные Царем, имели смелость соединиться, чтобы погубить своего товарища. Они скрепили нечестивый суд Царя против Патриарха, ревностного в поддержании авторитета его узурпированной теократии». Theiner считал, что падение Патриарха Никона нанесло смертельный удар Русской Церкви.

Tondini в «Réglement ecclésiastique de Pierre le Grand» называет Патриарха Никона одним из самых ученых людей своей эпохи, о чем пишет: «Среди Московских Патриархов оказался один с духом поистине епископским; это был Никон, занимавший Патриарший престол во времена Царя Алексея Михайловича, отца Петра I. История Церкви при Патриархе Никоне, это история крайней борьбы, выдержанной этим Патриархом ради спасения независимости духовной власти… Никон, осужденный своими собратьями по епископату (1666), пал, но пал, как мученик».

Palmieri в своем последнем сочинении «La Chiesa Russa» считает, что «с Никоном, непоколебимым в своих требованиях, прекращается моральная свобода русской иерархии». Рассматривая реформаторство Петра I в области церковной, он делает заключение, что это – результаты той системы, которую выдвигали Патриаршие свитки 1664 г. о высшей безграничной власти Царя, и что «наследники византийского сервилизма подтвердили свои теории, дойдя до срывания с неустрашимого Никона знаков его достоинства». Palmieri, видимо, восторгается, что низложенный Патриарх бросил им в лицо упрек в уничтожении священства ради денег, но говорит, что борьба Патриарха Никона с Царем ради прав иерархии кончилась поражением, ибо русский епископат привык склоняться под железной палкой гражданской власти.

В. Пальмер более всего содействовал выяснению основной идеологии Патриарха Никона. Он тщательно исследовал «Судное дело» Патриарха, вникая в каноническую предпосылку каждого объяснения Святейшего на суде и исходя из воззрений самого Предстоятеля, изложенных в «Возражении или Разорении…» (Пальмер перевел этот фундаментальный труд средневековой русской мысли на английский язык и опубликовал для научно-общественных нужд цивилизованного мира). Таким образом, ему удалось глубже, нежели другим, понять личность Святейшего и проникнуться его учением: «Чем больше мы изучаем характер Никона, тем менее находим оснований обвинять его в каком-либо из тех недостатков, которые навязывались ему его врагами. В нем не было ничего похожего

на незнание или забвение различия и пределов между духовной и гражданской властью, никакой склонности к мирскому или духовному надмению».

В церковно-общественной деятельности Святителя Православной Церкви Пальмер видит образец тех отношений, в которых должна стоять духовная власть к власти гражданской: «Во всю продолжительную борьбу, составившую его жизнь, мы видим, чего он требовал для себя и от себя лично: именно строгого покаяния и самоумерщвления за грехи свои и своего народа, скудной пищи, жесткой, как камень, постели и изголовья, и тяжелых вериг. После несправедливого осуждения и низложения он не позорит своих врагов, не покровительствует отпадению от Церкви, которая сама была участницей в неправде, но неуклонно содержит истину».

Пальмер не только показавает каноничность действий Патриарха Никона, но и углубляет проблему – показывает значение борьбы Патриарха для Церкви, для России и любого государства, осуществляющегося в христианской цивилизации.

М.В. Зызыкин в своем трехтомном труде показывает Патриарха Никона как поборника идеи «симфонии» государственной и церковной власти, заимствованной из древнего византийского права. Точка зрения М.В. Зызыкина согласуется с заключениями не менее состоятельного ученого – *М. Спинки*.

* * *

Как XVII, так и XVIII в. были неблагоприятны для выяснения дела Патриарха Никона. Духовный регламент с его сообщениями о «замахах», имевшими в виду Патриарха Никона («да не помянутся бывшие и у нас подобные [папским] замахи»), и торжество Синодального правления над Патриаршеством не могли содействовать установлению истины. Петр I не только отменил Патриаршество, но и постарался унизить память о самом ярком представителе его, Патриархе Никоне[52]. В 1700 г. он запретил властям Воскресенского монастыря Нового Иерусалима построение церкви во имя преподобного Александра Свирского на месте кончины Святейшего Никона Патриарха, хотя митрополит Ростовский Иоасаф (к нему обратились власти Воскресенского монастыря в связи с тем, что крест, поставленный на месте кончины Святителя, смыло вешними водами) 22 июня 1700 г. дал благословенную грамоту на строительство этого храма. Построенный Патриархом Никоном Иверский монастырь был присоединен Петром I к нововозведенной Александро-Невской лавре, куда из обители были перевезены лучшие колокола и некоторые драгоценные сосуды.

При Екатерине II среди историков, представляющих различные взгляды, – от В.Н. Татищева до церковного историка Петра Алексеева – Патриарх Никон вызывал сарказм, нападки и осуждение.

О властолюбии Патриарха Никона и о его якобы католических поползновениях вслед за Кульчинским повторяет *В. Берх*, на которого в свою очередь ссылался биограф Патриарха Иоакима *И. Смирнов*, осуждавший Патриарха Никона за то, что «он шел в сторону прямо противоположную потребностям времени».

М.М. Щербатов считал, что государственной власти следует остерегаться стремления Церкви захватить власть и быть начеку, памятуя историю Патриарха Никона.

---

[52] См., например: *Алексеев* (*Алексеев Петр*). Рассказ Петра Великого о Патриархе Никоне: Всеподданнейшее письмо протоиерея Алексеева к Императору Павлу Петровичу (1797 г.) // Русский Архив. 1863. Вып. 8–9.

Н.М. Карамзин писал, что самодержавный Император Петр I отменил патриаршую власть как бесполезную для Церкви и вредную для единовластия Государей. Он даже не ставил вопрос, мог ли по канонам Царь отменить Патриаршество, и где и когда был нанесен Патриаршеством вред царской власти.

Ю.Ф. Самарин, имевший в своем распоряжении некоторые официальные документы, признавал, что многие обвинения против Патриарха проникнуты личной ненавистью и носят признаки грубой клеветы, что «вообще в этой многосложной и великой тяжбе Царя с Патриархом правда и неправда, действительные вины Никона и клеветы, на него возведенные, важное и ничтожное так перемешано и сбито, что, вероятно, уже оно не предстанет никогда во всей ясности и строгости». В своем понимании Патриарха Никона Самарин обвиняет Святейшего в противном духу Православия желании неограниченной, самодержавной власти: «Вообще замысел его клонился к тому, чтобы основать в России частный национальный папизм», – делает заключение историк.

Большой корпус официальных документов по делу Патриарха Никона, как многие неоправданно полагают, впервые использовал *С.М. Соловьев*. Но нужно помнить, что документы для копирования отбирались недоброжелательной к Патриарху правительственной партией без особой скрупулезности, а потому предвзято и односторонне. Именитый историк утверждал, что «взгляды Никона на отношения между царской и патриаршей властью расходятся с преданием Восточной Церкви, как они утверждены в русской истории».

Будучи представителем школы государственнической историографии, Соловьев оценивал церковную справу и другие мероприятия, предпринятые Патриархом, как исторически необходимую и прогрессивную реформу, поскольку она способствовала укреплению государственного начала. Причину же конфликта Церкви и государства он полагал в личных амбициях Патриарха Никона, а причины падения последнего видел в «неумеренном характере, отсутствии образования, недостатке христианского начала, духа кротости и смирения» и в том, что Святейший «…превратил великое общественное дело в личное. Обилие материальных благ стало причиной его падения. Как человек из плоти и крови, он не выдержал искушения, бросился во власть мирскую, оставив патриаршество на втором плане», – заключает Соловьев.

В.М. Ундольский – один из немногих ученых, основательно изучивший труды Святейшего; борьбу Патриарха Никона с Монастырским приказом считал преувеличенной, вмешательства со стороны Царя в дела Церкви не усматривал даже тогда, когда митрополит Крутицкий обращался к Царю с предложением выбора лиц для поставления в епископы и архимандриты. Изучая «Возражение или Разорение…» Патриарха Никона, Ундольский не сумел понять, что критика Патриарха направлена собственно на набиравшую силу секуляризацию и цезарепапистские настроения Царя. В этой связи можно лишь заметить: чтобы оценить Никоново «Возражение…», надо встать на точку зрения самой Церкви.

Приписывая суждения Патриарха Никона в его «Возражении…» его «крутости», Ундольский тем не менее свидетельствует: «Станете ли вы рассматривать богатейшие вещи патриаршей ризницы, обратитесь ли к памятникам зодчества от Патриаршего дома до монастырей Иверского и Ново-Иерусалимского с монументальным памятником с (доселе единственным) храмом Воскресения, везде увидите гений Никона. Самое Возражение, писанное не в спокойном расположении духа («огорчевался от великия кручины»), не ясно ли доказывает, что Никон

имел способности необыкновенные, обладал обширным знанием Священного Писания, соборных правил, писаний святоотеческих и ко всему этому, при отличной памяти, был находчив до невероятности».

Н.И. Костомаров из рассмотрения церковно-обрядовых справ (по Костомарову, реформ) сделал заключение, что благочестие Патриарха Никона не шло далеко за пределы обрядности: «Буква богослужения приводит ко спасению; следовательно необходимо, чтобы эта буква была выражена как можно правильней. Таков был идеал Церкви по Никону. Буква обряда давно уже камнем лежала на русской духовной жизни, эта буква подавляла богатую натуру Никона». Святейший Патриарх, «ревностно взявшись за дело достижения единообразия церковной обрядности, логически должен был сделаться борцом за независимость и верховность своей патриаршей власти». Костомаров в своих рассуждениях не касается канонической оценки деятельности Патриарха Никона, но признает его одним из самых крупных, могучих деятелей русской истории.

Макарий, митрополит Московский, как бы продолжая традицию Лигарида–Соловьева, говорил о властолюбии Святейшего Патриарха Никона: «Никон при всем уме не умел поставить себя на такой высоте, как следовало бы по отношению к своему царственному другу, не умел сдерживать своей необузданной гордости и властолюбия и с упорством оставался верен тому началу, которое высказал еще при избрании его на патриаршую кафедру, т.е. чтобы сам Царь слушал его во всем как Патриарха. В своей дружбе с Царем Никон желал быть лицом господствующим и позволял себе такие вещи, которые не могли не оскорблять Государя, и, повторяясь нередко, неизбежно должны были вести к столкновению и размолвкам, взаимному охлаждению друзей и, наконец, привести к разрыву». Но митрополит Макарий сам же ограничивает это положение: «Как далеко ни простиралась власть Патриарха Никона, он никогда резко не выступал из пределов по отношению к царской власти». Борьба Патриарха Никона против цезарепапизма представлялась митрополиту Макарию борьбой Патриарха за личное господство, он неоднократно цитирует Паисия Лигарида, тем самым изобличая источник убеждения в гордости и властолюбии Патриарха Никона.

В.О. Ключевский останавливался преимущественно на психологической стороне церковных преобразований Патриарха Никона и рассматривал историю в контексте раскола. Причину раскола Ключевский видел прежде всего в столкновении иностранного влияния с традиционным древнерусским мировоззрением. Принимая на веру мнение боярской партии о покушении Патриарха на царскую власть, Ключевский считал, что решительные действия государства против таких претензий Патриарха Никона привели к низложению последнего. Вместе с тем ошибочность понимания Никоновых идей (верное понимание требует изучения подлинных сочинений) не помешала Ключевскому оценить духовную силу Святителя: «Из русских людей XVII века я не знаю человека крупнее, своеобразнее Никона. Но его не поймешь сразу: это – довольно сложный характер и, прежде всего, характер очень неровный. В спокойное время, в ежедневном обиходе, он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив, больше всего самолюбив… Но это едва ли были его настоящие коренные свойства. Он умел производить громадное нравственное впечатление, а самолюбивые люди на это неспособны. За ожесточение в борьбе его считали злым; но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу, с упрямыми врагами Никон был жесток. Но он забывал все при виде людских слез и

страданий; благотворительность, помощь слабому или больному ближнему была для него не столько долгом пастырского служения, сколько безотчетным влечением доброй природы… По своим умственным и нравственным силам, – заключает Ключевский, – Никон был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие. Что умели делать все, то он делал хуже всех; но он хотел и умел делать то, за что не умел взяться никто».

Н.Ф. Каптерев, повторяя основополагающие суждения Паисия Лигарида о Патриархе и подкрепляя их подобными суждениями иных, доказывая при этом подкупность Собора 1666 г., оживил традиционную критическую линию историков, осуждающих Патриарха Никона за гордость и властолюбие, простирающиеся до пределов восхищения на себя царской власти. По мнению Каптерева, Патриарх Никон достиг невиданного могущества благодаря благоволению Царя, но это не было могущество Церкви; со временем Царь понял, что деятельность Патриарха не приносит пользы обществу и государству, а это в свою очередь и привело к разрыву с «собинным другом».

П.В. Знаменский считал, что значение Патриарха Никона держалось единственно на его личной силе и на любви к нему Царя – опорах недостаточно прочных. «Орудием, которым эти опоры были подломлены, – писал профессор, – были многочисленные враги Никона, действовавшие против него со всем усердием личного раздражения. Прежде всего своим великим государственным, крутым характером, привычкой сталкиваться со всеми, власть имеющими, он вооружил против себя сильную партию бояр… Все эти люди зорко следили за Патриархом, ловили всякий случай, где он слишком резко выставлял свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шаг, а таких шагов много допускал горячий человек, не умевший владеть собой и не обращавший внимания на то, что говорил и что делал… Наконец, против Патриарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаниями, усиленными поборами в патриаршую казну и на войско и доведенное им до последней степени приниженности».

П.Н. Милюков полагал, что Церковь, будучи с монгольских времен выражением единства русского народа, нуждалась в правовом основании фактического положения, что и попытался сделать Патриарх Никон, проповедуя идею превосходства священства над царством. Однако со смертью Патриарха Филарета обстоятельства изменились, и государство начало борьбу против старинных привилегий клира, так что даже Патриарху Никону пришлось только обороняться против притязаний государственной власти.

С.Ф. Платонов повторил суждения Соловьева: «Никон действовал властолюбиво и высокомерно не только по своей энергичной и властной натуре, но и по своим взглядам на назначение церковной власти: священство выше царства». По его мнению, «притязания Никона не имели почвы в русском быту, так как на Руси духовенство никогда не ставило себя выше князей и царей и не искало мирской власти и прямого воздействия на государственные дела». При этом Платонов отмечал, что «мнение греческих иерархов о неправоте Никона и об общем превосходстве царской власти над патриаршей было усвоено Московскими государями и подготовило в будущем полное подчинение Церкви государству».

* * *

В историографии сложилось и другое направление – позитивное (апологетическое), – которое видело в Патриархе Никоне выдающегося строителя кафолической

Церкви и государственного деятеля, все помыслы и дела которого были направлены на благо общества, а проведенные церковно-обрядовая и книжно-семиотическая справы были призваны обуздать невежество и суеверие русского народа.

И. Шушерин был тем первым бытописателем Святейшего Патриарха Никона, благодаря которому для потомков сохранен его яркий, живой и деятельный образ. Патриарх Никон предстает человеком благочестивой жизни, ищущим прежде всего угождение Богу и все силы своей даровитой натуры отдающим служению Горнему. Не изобилуя фактами жизни и критическим к ним отношением, характер повествования Жития задает основу для понимания нравственного облика Святейшего, а через это – освещение главных стимулов его деятельности.

Вслед за Шушериным более обстоятельные жизнеописания Патриарха Никона были составлены священником *С. Михайловским*, Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря *архимандритом Аполлосом* (*Алексеевским*), *Н.А. Сергиевским, Г. Георгиевским, протоиереем Стефаном Кашменским, Соколовым, А.А. Быковым* (они содержат подробные перечисления заслуг Святейшего Патриарха перед Русской Церковью и государством).

Биография Патриарха Никона за подписью *Н.А.А.* чужда всяких обвинений Патриарха Никона в гордости и властолюбии. Автор не присваивает Патриарху идей, чуждых всему укладу его жизни; судьба Святителя, считает автор, является следствием интриг против него, а не каких-то «замахов» Патриарха.

Митрополит Платон (*Левшин*), не высказываясь определенно о правомочности суда над Патриархом Никоном, указывает на то, что истинные причины его осуждения были не те, что объявлены в судебном приговоре, а иные: зависть придворных вельмож и горячий, неуступчивый нрав самого Патриарха, который выговаривал Царю за нарушение прав церковных, чем и навлекал на себя гнев.

Митрополит Филарет (*Дроздов*) чрезвычайно тонко разбирает, действительно ли Патриарх Никон был лишен сана: «Если вы почитаете Никона, то согласитесь со мною не говорить, что он лишен сана. Лишение сана невозвратно: а его осуждение оказалось не невозвратимым. Провидение, постыжая страсти человеческие, которые хотят запутать его правду, страсти же употребляет иногда в орудия, чтобы явить свою правду. Знаменательно, что когда одне страсти усиливали осуждение Никона, другаго рода страсть – страх от народа – не позволила с него снять всего Патриаршаго. Видно, Провидение не позволяло, чтобы его низложение с Патриаршаго престола было совершенным лишением сана». Комментируя грамоты Святейшего Никона, имеющиеся в его судном деле, Преосвященнейший замечает: «Грамата, в которой Никон смиренно просит у Царя прощения, есть, по моему мнению, один из лучших оправдательных актов для его памяти; грамата, в которой он увещевает Царя прекратить гнев, защищается от обвинений в титле Государя, обличает в нарушении тайны патриаршаго архива и проч., кроме немногих примеров, жестоко приведенных, достойна Патриарха, соединяя дерзновение правды, с должным уважением Царю и скромным выражением о себе».

А.П. Щапов подробно развивает вопрос об участии бояр в деле Патриарха Никона и их союзе с расколоучителями, которым они облегчали деятельность ради общей цели – свержения Патриарха: «Вся вина Никона в том, что он по сильной вспыльчивости сердца, раздраженного самоуправством на бояр и по пламенной горячей ревности своей к правам Церкви и к достоинству высшей церковной власти, досадовал Царя за допущение бояр до необузданного самоуправства в делах Церкви и государства… Это не гнев злобы высокомерной против Государя, а невольная до-

сада души сильной, пламенной, уязвленной злом. Это… недовольство друга государева тем, что козни бояр, вредные Церкви и государству, охладили к нему сердце Царя... Удивительно ли, что Никон, этот истинно замечательный гений своего века, световодитель, как называли его лучшие просвещеннейшие современники, *vir prudentia et auctoritate eggregius*, как отзывались о нем иностранные наблюдатели внутренней жизни России во второй половине XVII века, удивительно ли, что великий Никон должен был испытать и встретить упорное противоречие и противодействие со стороны остальных отсталых, запоздалых ревнителей старины».

Архиепископ Черниговский Филарет (*Гумилевский*) на основании известий Коллинса и Мейерберга также обращает внимание на значительное участие бояр в разрыве Царя с Патриархом и на их негодование против Никона за исправление церковных книг, что имело главное значение в исходе борьбы.

Н.И. Субботин характеризует Патриарха Никона как человека, всей душой преданного заботам о пользе Церкви и государства, с прямым и ясным взглядом на вещи, умевшим встать выше суеверий и предрассудков своего века. Внезапное падение Патриарха он объясняет интригами его врагов, под влияние которых попал Царь Алексей Михайлович после завершения Польского и Шведского походов 1654–1656 гг.

Н.А. Гиббенет оказал огромную услугу историко-обществоведческим наукам и обществу в целом в разъяснении дела Патриарха Никона (он разобрал смешанные дела «судного дела», описал и опубликовал их, как они есть; он не ставил себе задачу интерпретировать и описывать идеологию Первоиерарха). «Никон, как человек, был доброй души, простой, не хитрый и не имел понятия об интригах, с помощью которых враждебная ему партия разрушила союз дружбы его с Царем, – пишет Гиббенет, – но, сознавая свой ум и свои нравственные преимущества, он гордо держал себя перед своими врагами, которым это самое и не нравилось. Никон понимал интриги своих противников, но не отвечал им, не собирал у себя партии, а оставался один».

Чиновник-архивист считает, что Патриарх Никон вмешивался в светские дела, поскольку хотел помочь бедным и беспомощным людям, заступиться за обиженных; что Святейший пытался очистить Церковь от ошибочных мнений и суждений, и, «если бы не случилось того обстоятельства, что Никон оставил Патриарший престол, то отделение раскола от Православной Церкви могло бы не состояться».

Митрополит Антоний (*Храповицкий*) дает высокую оценку личности Патриарха Никона и его заслуг перед Русской Церковью: «Главная его задача, – пишет митрополит Антоний, – ослабление русского церковного провинциализма. В Церкви Христовой не должно быть национальной обособленности; национальные различия, предания должны подчиняться единому общецерковному преданию. Этой вселенскости он давал явное предпочтение перед национализмом… Никон, учась у греков, отбрасывая национальное самолюбие, процветавшее у раскольников, показывал свое смирение».

Митрополит Антоний не находит у Патриарха Никона никакого властолюбия и честолюбия и особо останавливается на его неустрашимости, бесхитростности, прямолинейности, на ревности к славе Божией, просвещении ума. Логику отречения Патриарха Никона преосвященнейший Антоний видит в пренебрежении со стороны Царя их дружбой: «Наша жизнь дает примеры такой пламенной дружбы только в самой ранней юности, когда она возникает и связывается в умах идеалистов со всеми планами жизни, со всей ценностью последней, и, если

дружба разрушается, то все планы ее признаются разбитыми… Дружба Царя и Патриарха восстановила благообразие общественной молитвы, исправила святые книги, присоединила Малороссию, привлекала в Москву Патриархов и ученых, побеждала поляков и шведов, и политически возродила Московию на степень величия третьего Рима в Царстве Божием». Свидетельствуя о святости Патриарха Никона, митрополит говорит: «Придет время, когда Святейший Патриарх будет изображен не со смиренным молением кающегося грешника, а с тропарем, прославляющим его высокие добродетели и подвиги, подъятые во славу Божию».

Протоиерей Н.Ф. Николаевский подробно изучил отдельные периоды жизни Патриарха Никона, авторитетно подтверждая основные заключения позитивного отечественного историографического направления.

В августе 1882 г. редакция журнала *«Русский вестник»* констатировала: «Итак, все достоверныя изследования показывают, что причинами необычайнаго возвышения Никона от звания простаго крестьянина, а потом сельскаго священника, до высшаго духовнаго сана и дружбы с Государем, были его ум, таланты, образование и благочестие».

* * *

В период доминирования методологии и парадигмы исторического детерминизма (послеоктябрьский) исследований о Патриархе Никоне было не так много: писали *Н.М. Никольский*, *В.С. Шульгин*, *М.Я. Волков*.

В новейшей зарубежной историографии оценки событий исторического прошлого сложились в основном под влиянием работ русских эмигрантов.

Протоиерей Г. Флоровский, один из крупнейших знатоков русской духовности, считает, что неудачи в русском духовном развитии в XVII в. были вызваны отступлением от святоотеческого предания: Патриарх Никон, утверждая примат священства над царством, не выходил за рамки святоотеческого предания и как раз из него черпал свои идеи. А Царь, греки, и старообрядцы выступили против традиции и собственно Патриарха.

По мнению *А.В. Карташева,* в конфликте государства и Церкви в середине XVII в. объективная историческая правда была на стороне государства, но неправильная защита государством своих прав, превратившаяся в насильственное довление правосознанию Церкви, делала правой и церковную сторону.

С.А. Зеньковский, автор одной из самых основательных книг по истории раннего старообрядчества, писал, что Патриарх Никон был увлечен мечтой о православной империи, которую внушили ему греческие иерархи. Чувствуя себя вершителем судеб всего православного мира, он терял голову и был готов превратиться в русско-греческого Вселенского Патриарха. Получив почти неограниченную власть, Патриарх стремился распространить ее и на государственный аппарат, что вызвало недовольство боярства, а неудачи в русско-шведской войне, вину за которые многие возлагали на Патриарха, усилили недоверие к нему со стороны Государя, ставшего более самостоятельным и самоуверенным в своих действиях.

Г.В. Вернадский считал, что главным делом Патриарха Никона была защита интересов Церкви от вмешательства государственной власти. Свои идеи Патриарх черпал из святоотеческой литературы и византийского законодательства. Ярким примером для него стало мученичество митрополита Филиппа и полновластие Патриарха Филарета.

Ф. Лонгуорт полагал, что Патриарх Никон был орудием дальновидной политики Алексея Михайловича, который использовал его авторитет для наведения

порядка в церковной среде, преследуя тем самым цель восстановления в России сильной самодержавной власти.

Б.Н. Флоря считает, что в России на протяжении XIII–XVII вв. происходил процесс формирования духовного сословия, которое в разные исторические периоды стремилось освободиться из-под опеки светской власти. Но русское духовенство, в отличие от стран Центральной Европы, «было в большей мере группой людей, которых объединяло их общее подчинение власти епископа», что явилось одной из причин слабости противодействия клира абсолютистской политике Петра I.

Из современных авторов биографий Патриарха Никона можно назвать *Н.С. Борисова*, *И.Л. Андреева*.

Протоиерей Лев Лебедев пишет не только о справедливости поступков Патриарха Никона, но и о его святости. «"Если нельзя быть в любви и согласии, то нельзя быть вместе вообще" – вот формула действий Патриарха Никона» относительно царской власти, – считал о. Лев.

Архиепископ Серафим (*Соболев*) видит в Патриархе Никоне не только «величайшего защитника симфонии властей», но вместе с тем и «проповедника истинной самодержавной царской власти и поборника русской идеологии», а борьбу его рассматривает как «исповедническую защиту исконной русской идеологии», направленной на то, чтобы «Русское государство возглавлялось истинною царскою самодержавною властью, при которой только и возможно осуществление симфонии властей и, следовательно, – процветание Церкви и государства силою православной веры... Пусть Патриарх Никон, – писал владыка Серафим, – будет учителем всех русских православных людей в их стремлении к возрождению нашей Родины. Пусть он навсегда останется для нас чистым от того нарекания на его светлый великий образ, которое могло бы подорвать его авторитет в наших глазах, если бы имело под собой достаточное основание. Нам следует не обвинять его в непомерной гордости, а благоговейно преклоняться перед ним, чтить его вместе с простым верующим русским народом как праведного и благодатного светильника Русской Церкви и всемерно содействовать тому, чтобы в возрожденной России он был причислен к лику святых Российской Церкви».

Митрополит Иоанн (*Снычев*) дает глубокую характеристику личности Святейшего Патриарха: «Историки часто сетуют на то, что поведение Никона в споре с государственной властью было политически непродуманным, противоречивым и непоследовательным. Не умея объяснить этого в умном и волевом Патриархе, они придумали сказку о его "своенравии" и "тяжелом характере". Слов нет, у каждого человека свои слабости, и Никон не был исключением, но вся его деятельность тем не менее была строго последовательна и ясно осознана; чтобы увидеть это, надо лишь взглянуть на нее с церковной точки зрения.

В Никоне с совершенной полнотой отразилось самосознание Русской Церкви, самосознание духовной власти, твердо разумеющей свое высочайшее призвание и величайшую ответственность; отвергающей возможность каких-либо уступок и послаблений в святой области ее пастырских попечений; тщательно хранящей Божественный авторитет священноначалия и готовой исповеднически защищать его перед лицом любых искушений и слабостей.

"Непоследовательность" и "противоречивость" поведения Патриарха, пример которых видят, как правило, в его "необъяснимом, непродуманном" решении оставить кафедру, коренятся на самом деле в глубинах православного мировоззрения… Разумея промыслительность происходящего, памятуя изречение Священного Писания о том, что "сердце царево в руце Божией", Первосвятитель

с определенного момента отстранился от придворной борьбы, полагая свою личную судьбу и будущее Отечества и Церкви полностью на усмотрение Божие».

* * *

Подводя итог, солидаризируемся с заключением *М.В. Зызыкина*: Патриарх Никон «дал теорию Царя Православного, подчиняющегося и в своей личной жизни, и в общественной деятельности православному учению и правилам Церкви». Патриарх напомнил святоотеческую идею различия властей светской и духовной, он считал обязанностью Патриарха стоять за истину и за воплощение правды в жизни и говорил, что на это иерархи и поставлены. Зызыкин замечает, что в своем требовании непреложного соблюдения канонов как выражения Божественной воли Патриарх Никон шел по пути византийских ревнителей канонов, требовавших обязательности соблюдения не одних догматов, но и канонов.

Патриарх Никон отверг формы национального русского благочестия, он мыслил Русскую Церковь не как особую самодовлеющую силу, указывающую свет миру, а принимал ее в единении с прочими Поместными Церквами как часть целого. Для своего времени Патриарх Никон был консерватор в смысле отсутствия стремлений к изменению системы существующих органов власти, но он был радикальным преобразователем в смысле изменений найденного им *status quo* при вступлении на Патриаршество. Но эти изменения мыслились им не как придуманная комбинация, а как воплощение святоотеческой традиции Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, которую он отстаивал всеми средствами, приличествующими православному архипастырю.

«Да будет он вспомянут, – восклицает Зызыкин, – как носитель своеобразной русской культуры, призывающей к расцвету всех человеческих дарований при неугасимом свете Церкви; да будет он вспомянут как представитель русского крестьянского мира, давшего, в лице своего представителя, одно из лучших проявлений народного гения… да будет он вспомянут как пророк Божий, предсказавший гибель своего Отечества, и да будет он сопричислен к Русским Первосвятителям Московским Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Гермогену, как запечатлевший праведностью своей жизни и мученичеством непоколебимую верность Православию, которое и Никон понимал не как теорию, а как “истину, путь и жизнь”».

© Дорошенко С.М.